

*Сергей
Камов*

КОГДА Я РАБОТАЛ БЕТОНЩИКОМ

Автобиографическая повесть

ВАГОНЧИК

Мой зять, будучи инженером одного из подразделений питерского Метростроя, устроил меня на работу в свою организацию, но с одной оговоркой, что это время не войдёт в мой трудовой стаж. Меня устраивали любые условия: мне нужны были деньги. Наш участок находился неподалёку от станции метро «Электросила». Мы должны были, говоря языком строителей, «вывести на ноль» семиэтажное здание, поставить «стаканы» и установить в них бетонные сваи. По-простому говоря, залить фундамент. На участке был вырыт широкий котлован, внутри которого стояли гусеничные машины – кран и экскаватор. Снаружи шла дорога для доставки стройматериалов. У дороги лежали новые объёмные трубы, залитые сверху теплоизоляцией. Участок был огорожен плотным забором. У входа стояло два вагончика, принадлежавшие разным организациям. В первом жил сторож, охранявший наружный участок, во втором – сторож для охраны котлована. И ещё два вагончика стояли чуть поодаль – для строителей и для механизаторов. Я поселился на добрых полгода в одном из двух сторожевых вагончиков. Днём я работал бетонщиком, иногда выдерживая две смены подряд, если требовалась неотложная авральная работа. Ночью – сторожем. Охранять на моем участке – в котловане, по большому счёту, было нечего. Разве только какой-нибудь сумасшедший мог решиться угнать гусеничный кран! Единственное, что входило в обязанности сторожа и для чего существовало это рабочее место, – часа за два до прихода строителей включать в розетку насос для откачки воды из котлована. За ночь из почвы просачивалась вода и наполняла ямы для «стаканов» метра на полтора.

Наталья, моя жена, устроилась работать в Выборге, в детский приют – сутки через четверо. После «суток» она либо ехала к моей тёте в посёлок Советский, что находится под Выборгом, на берегу Финского залива, либо возвращалась в Санкт-Петербург к своему деду. Феоктист Васильевич Багрецов жил на улице Типанова, неподалёку от Московского проспекта. Человек редкого такта и большой души, фронтовик, защищавший Ленинград в период блокады, он прожил необыкновенно трудную, но замечательную жизнь. До моего переезда в вагончик мы с Натальей жили у Феоктиста Васильевича и его жены, Валентины Николаевны.

Переехав из Казахстана в Санкт-Петербург, мы, как это было принято у нас в провинции, решили запастись продуктами впрок. Мы купили по мешку муки и са-

хара, по 10 кг всяких круп и привезли все эти запасы в маленькую двухкомнатную «хрущевку» на улице Типанова, чем поразили всех домочадцев, не привыкших, по столичной привычке, покупать продукты более одного-двух килограммов за один раз. Свои запасы мы разместили в спальне под кроватью, и моя супруга при первой возможности заводила тесто и пекла что-нибудь вкусненькое. Она усаживала своего любимого деда за стол и потчевала его различными пирожками или ватрушками. Феокист Васильевич ссылся на свой блокадный желудок, ел маленькими порциями. Но даже это небольшое внимание, оказанное ему любимой внучкой, до слез трогало непривычного к столь чуткому отношению старика, который привык сам дарить другим подарки и заботиться обо всех. Он умел ценить доброту так, как умеют ценить добро люди, очень много пережившие в своей жизни.

После работы я шёл на улицу Типанова встречать Наталью. И тогда мы под руку шли по этому необыкновенному, удивительному городу. Иногда Наталья сама приходила в наш вагончик, ставший на время нам домом. Чтобы сэкономить наши скудные финансы, она шла пешком расстояние в пять-шесть километров. Какое это было удивительное время! У нас ничего не было. Но мы были счастливы! Мы спали на маленькой односпальной кровати с панцирной сеткой, укрываясь несколькими одеялами и моей дембельской шинелью, которую я повсюду возил за собой. Калорифер прогрел нашу комнатушку так, что внизу было холодно, под потолком почти жарко, а посередине тепло. Но мы не мёрзли. В маленьком коридоре висел примитивный рукомойник. Столом нам служил какой-то сундук с размещённым на его крышке листом ДСП. На маленькой электрической плитке мы варили еду. А по стенам висел инвентарь для тушения пожара, как это требовалось по ТБ. Иногда к нам в гости прибегала неуловимая крыса и хозяйничала во второй половине вагончика за маленьким коридором. Если бы можно было вернуться хоть ненадолго в молодость, то я бы с удовольствием вернулся в то время. Пусть бы висел этот железный умывальник, и бегала за стенкой надоедливая крыса! Мы с Натальей больше всего любили, когда падал снег. Я, ночной хозяин этой стройки, включал прожектор, направленный в сторону котлована, где стоял похожий на одинокого жирафа гусеничный кран. Снег кружился, и казалось, что наш вагончик поднимается в небо. А мы, двое влюблённых, летели в нём над землёй, над приютившим нас и уже успевшим полюбить нас самым необыкновенным городом на свете.

Наталья уезжала в Выборг на работу, чтобы вскоре вернуться. А я вживался в коллектив. Люди тут работали интересные! Умели и поработать, и отдохнуть. И пошутить умели тоже – на тяжёлой работе иначе нельзя. Времени у меня было предостаточно, и вечерами я записывал самое ценное из увиденного за день. «Материал» находился тут же, под рукой, и я как бы «рисовал с натуры», стараясь запечатлеть эту живую жизнь на листке бумаги.

БАЛУЙ, МОНГОЛ И МАЛЫШ

В нашей бригаде работали почти все приезжие, местных не было никого. Кто-то со временем получил квартиру за работу в строительной организации, кто-то удачно женился, но так или иначе все смогли обустроиться в этом огромном городе. Наш бригадир, Витя Кайгородцев, родом из Казани. Лет пятидесяти, ответственный, требовательный, он знал своё дело, как никто другой. Строитель от Бога. Имел уникальный глазомер и любую диагональ «простреливал на глаз» не хуже теодолита. Заработал на стройках два ордена и несколько медалей. К тому же две медали были ему вручены ещё в дни армейской службы. Об этом он рассказывал так:

– Дали мне в армии медаль, вернее, две. Вторая аккурат к столетию Ленина, я её даже за медаль не считаю, юбилейная. А первая – самая настоящая. Служил я на Курильских островах...

В самом начале наша бригада была неполной: кто на курсах был, кто в отпуске, кто временно находился на другом участке. Мы сколачивали деревянную опалубку – квадратный подстаканник для заливки бетона. Невысокий, коренастый мужичок родом из Тулы, Володя Балуй, тридцати восьми лет, стоял без шапки внутри сколоченной коробки. Ветер трепал его взлохмаченные волосы. В одной руке он держал молоток, а в жёсткой пятерне другой руки – оставшиеся гвозди и внимательно слушал бригадира. А тот продолжал:

– Я видел там цунами и ел медвежье мясо. Очень даже здоровское, сладковатое на вкус. Нас кормили однообразно. Этот сухой лук да картошка так заколебают, что жить неохота. А рыбу ловили прямо волейбольной сеткой.

– Так у неё ведь вон какая большая ячея! – удивлялся Балуй.

– Вот такую рыбу и ловили!

– Ого! – Балуй вздымал над глазами кустистые русые брови.

– А камыш там с тебя ростом! – продолжал Кайгородцев, ткнув пальцем в сторону Балуй.

– Такой маленький? – разочаровался Володя, который ожидал, что в этом рассказе всё необычное, даже камыш.

– Не, наверное, раза в два повыше будет. А вот густой такой, что погуще твоих бровей будет, – нашёлся бригадир, посмеялся и серьёзно закончил: – Такой густой камыш, что пешком не пройдёшь, а медведи кубарем по нему катаются...

Володя Балуй брал меня в напарники, учил, как правильно сколачивать опалубку, подпирать и скреплять, чтобы её не разорвало бетоном. Когда приходила машина с бетоном, работали на износ, торопясь, чтобы он не успел схватиться. Бетон выливали в «кублу», похожую на большущий железный башмак. Кран поднимал «кублу» за тыльную сторону над опалубкой, и мы выбивали задвижку. Так подавали несколько раз, пока не закончится бетон. После тяжёлой работы перекуривали и переходили на более лёгкий труд. Балуй подходил ко мне и по-свойски зывал: «Серёнка, пойдём гвозди разгибать». И мы выстукивали молотками старые гвозди, которых требовалось большое количество и без которых работа могла остановиться. Тут можно было спокойно поговорить.

Балуй вспоминает:

– Отец рассказывал, что нашу деревню немцы взяли на четырёх мотоциклах. Наши, увидев их, смотались, и след простыл. Отца с дедом заперли в погреб, и каждое утро немец поднимал их, чтобы толкали мотоцикл, чтобы завести. Как-то раз дед на коне появился в деревне, оторвал прикреплённую бороду, а ему лет тридцать. Партизан. Говорит: «Вы завтра медленнее катите немца». Утром катят его, смотрят, а у него с затылка кровь чёрная сразу. Они перепугались. Тут из леса люди: на лошадях и бегом – партизаны. Вернули деревню обратно нашим. А тот немец, замороженный, долго возле школы лежал...

Редко Володя рассказывал такие грустные истории, чаще любил смешные или истории о животных:

– Вчера смотрел «В мире животных». Стоят жирафы в куче. Много их, человек пятьдесят, наверно...

Тут я начинаю весело смеяться.

– Так люди или жирафы стоят? – спрашиваю.

– Жирафы, человек пятьдесят, – и вместе со мной тоже начинает смеяться, по-прежнему, что жирафы в «человеках» не измеряются. – Львов они совсем не боятся. А

бегают медленно, всего километров сорок, а может, и не сорок... А может, это и вовсе не медленно...

Пока он это рассказывал, я с умным видом его слушал и специально морщил брови, чтобы его смутить. Он, глядя на меня, менял свой рассказ на ходу.

– А потом она стала телиться или как там это у них называется? Телёнок её с двух или трёх метров падает камнем и оземь! Представляешь? С двух или трёх метров!

Он рассказывает и успевает проворно выправлять гвозди, я едва за ним поспеваю. Он с протяжкой произносит некоторые слова, при этом игриво подмаргивает глазами, собирая морщины в уголках глаз.

Ох, и непрост был Володя Балугев, как это могло показаться на первый взгляд! Прятал он за крепкими шутками и прибаутками стержневой характер. Веяло от него мужской силой, мощью. Говорили, что из родной Тулы он сначала подался в Москву, где работал на заводе, собирая самолёты. А оттуда – в Питер. Одно время ему пришлось жить на вокзале, пока не устроился на работу. Потом женился. Даже дачкой обзавёлся несколько лет назад. Правда, ни документов на участок, ни каких-либо других прав на тот кусочек земли он не имеет. Занял без разрешения участочек, смастерил домик и летом живёт в нём, в ус не дует.

О нём рассказывали мужики, что, когда выбрали его бригадиром, тут же об этом пожалели. В Балуге дремал настоящий наполеончик, показавший всю свою сущность, как только получил, пусть маленькую, власть. Не признавал ни друзей, ни товарищей – на работе все равны. Сам пахал и других гонял как сидоровых коз. Никому проходу не давал, присесть нельзя было, работали на износ. О его бригадирстве я и поинтересовался у него. Ответ был предельно откровенным, как на исповеди.

– Серёнька, да я ж сам себя боюсь! Мы бы с тобой тут так просто не сидели, гвоздики не выправляли. Мы бы сейчас тут летали, как в армии в первый период службы. Как из меня полезло! Вроде и власть небольшая, а что она со мной сделала! Ты знаешь, сам себя перестал узнавать, да и мужики наши ужаснулись – какой в него бесьяра вселился, думают! А я остановиться не могу, измотал их всех, да и себя умыздохал. А однажды просветление наступило, словно пелена с глаз спала. Как бабка моя покойная меня учила – взмолился я перед ними и говорю им: «Нет больше моей моченьки! Мужики, ради Бога, переизберите меня с этого проклятого бригадирства, пока я вас окончательно не заморил и сам не изошёл на нет!» Смиловались мужики, а то я уж на самом краю был... Да и они, оказывается, тоже там были. Друзья мои, Малыш и Монгол, облегчённо вздохнули и честно мне признались: «Да мы и сами уж о крайностях думать стали – не то кублой тебя как бы невзначай придавить или ещё чего! Чуть было ты нас до греха не довёл!» Но ничего, простили, в друзьях всё-таки оставили. А я вот сам ставлю себя на их место и думаю: «А я бы и трёх дней такого вражины не выдержал, что-нибудь сотворил бы с им!» А теперь, когда дело то далеко позади, они посмеиваются порой: «Надо, однако, Балуга в бригадиры выбрать, а то что-то расслабились мы совсем». А я перекрестился – не приведи господи – и забыл, как о страшном сне, о моем грешном прошлом. Работагой насколько проще жить!

Малыш, о котором мне все уши прожужжал Балуй, появился в конце рабочего дня через неделю после того, как мы начали работать на этом объекте. Бригада уже заносила инструменты, и тут мы увидели в вагончике аккуратно завязанный верёвкой мешок и чёрную сумку. Балуй, по своим особым приметам, узнал вещи старого друга.

– О, кто-то к нам приехал. Никак, Малыш? Я бы мешок просто за горло привязал и всё, а этот аккуратно весь повязал. Видать, издалека приехал, аж с самого Ломоносова. А кто у нас так умно может связать? Только Малыш!

В это время, заслонив собой весь проём и пригнувшись под дверным косяком, вошёл сам Малыш. Выпрямился во весь рост, почти подпёр головую потолок в вагончике. Нечего сказать – детинушка! Лицо у него правильной формы, красивое. Смеялся он задорно, с хрипотцой, выказывая при этом недостающие зубы, особенно в верхнем ряду.

– Витя! Где ж ты скитался? Мы по тебе все неимоверно соскучились, дура ты сельская!

Витя радостно обнял Балую, который ростом был ему по грудь. Мне почему-то сразу вспомнился покаянный монолог Балую о своём бригадирстве, как он гонял всю бригаду, в том числе и этого богатыря. Малыш протянул мне свою богатырскую лапищу. Так мы с ним познакомились. Оказалось, что Малыша за двухдневную пьянку отстранили от работы на два дня. Срок истекал после обеда, и его снова перевели на наш участок. Перед вагончиком кто-то оббивал грязь с обуви и кашлял.

Малыш, даже не поворачиваясь, определил копошащегося в дверях человека.

– Никак Монгол идёт. Спиной чую. Точно!

Малыш облапил Монгола. Троица эта со стороны представляла весьма забавное зрелище: богатырь и два мелких мужичка – впрямь клоуны для циркового номера.

Я давно заметил, что среди инструментов стояло два огромных лома – метра по два длиной, которые никто не брал. Мне интересно было – совладаю ли я с таким мощным орудием труда, но у меня не хватило длины пальцев, чтоб как следует зажать его в руке. Сделав несколько усердных движений, я призадумался: а как же можно им работать? Оказалось, что этот лом специально по заказу сделали для Малыша. К тому же он его уже несколько раз гнул, и для работы лом не годен, потому что сталь в нём слабая, «недокалёная». А так как ломов было два, то я спросил у Балую: «А для кого второй?» Володя просто, без лишних эмоций, ответил, что есть ещё один молодой паренёк, немного повыше Малыша и «поширше» его в плечах. Только он находится в отпуске и работать будет на другом участке. Вот это богатыри!

Щупленького и низкорослого Валеру за его мелкие глаза с прищуром ещё в давнюю пору окрестили Монголом. Балуй к тому же придумал ему и от себя прозвище – Полглаза. Откуда-то с Поморья он сюда приехал. Монгол, как и Малыш, был объектом постоянных розыгрышей и неиссякаемых подковырок Балую. И эти двое отвечали ему тем же.

Как-то раз к нам на участок зашёл мужчина, предлагая сапоги сорок шестого размера. Мы сидели на перекуре, дожидаясь машины с бетоном. Все посмотрели на Малыша, но тот с самым серьёзным видом сказал: «Таких богатырей у нас нет. Один был, и тот в контору ушёл». Я не сразу понял, о ком идёт речь. Оказалось, что это Монгола с утра отправили по делам в контору. Я уткнулся лицом в расстёгнутую куртку, чтобы не засмеяться вслух. Балуй с совершенно серьёзным видом направил незнакомца в зелёный вагончик к механизаторам: «Там богатырь на богатыре».

Монгол вернулся лишь к концу рабочего дня. В руке у него была газета, которую он прихватил в конторе. Мы сидели в вагончике. Валера от нечего делать читал газету вслух. Там была в основном реклама. Но вот бригада встрепенулась, дождавшись достойного нашего внимания места. Валера вычитал из газеты про кастрацию: без наркоза – три тысячи, а с наркозом – десять тысяч. Тут же Балуй предложил подкастрировать Монгола за три тысячи, а сэкономленные деньги пропить. Вторым по счёту стоял Саня-бульдозерист. Ему все равно скоро на пенсию.

Балуй входил в раж, заходясь весёлым смехом, спрятав от радости глаза в кустистые брови:

– Саньку Баламута нужно непременно «подложить», чтоб на пенсии просто беззаботно отдыхал, а то на старости лет это добро только мешается...

Оказалось, что Валера Монгол один из всей бригады читает книги. За работой до самого обеда он рассказывал Балую о Степане Разине. Это он прочитал роман Чапыгина и ходил под впечатлением.

Сидя за обеденным столом, до глубины души растроганный рассказом Монгола о судьбе Степана Разина, Володя Балув с трагическим лицом обратился к нашему бригадиру:

– Послушай, Витя, сдаётся мне, что живём мы как-то не так, неправильно, что ли... В театры не ходим, кино видим только по телеку, книжек не читаем. Работаем и пьянствуем. Монгол прав – нужно читать книжки! У меня появилось предложение. Витя, а давай с каждой полочки брать книжки.

Бригадир мог ожидать от Володи чего угодно, только не этого. Балуй мог подбить пьяного тракториста угнать трактор и уехать с ним в город за водкой. Он мог загонять свою бригаду до посинения, будучи бригадиром. Балуй мог, рискуя собственной персоной, в пьяном виде идти в вытрезвитель, чтоб выручить друга. Мог, если понадобится, работать сутки без сна и отдыха. Он мог неделю не появляться дома... Но покупать книжки! Это было более чем удивительно!

От неожиданности Кайгородцев опешил, выронил ложку, но вскоре взял себя в руки и по-доброму рассмеялся:

– Брать-то брать, а кто читать будет? Скажем, картинка или что другое на стене висит... Посмотрел и всё! Времени не теряешь, а тут...

Но на этом дело с книжками не закончилось. Назавтра Балуй пришёл на работу и принёс с собой роман Чапыгина «Разин Степан». Где он его взял – неизвестно. Человек он был настырный и привык, если ему чего-то захочется, доводить дело до логического завершения. И чтобы все было по его, по-балуевски. Книга лежала в целлофановом пакете, как хлеб или рыба.

В этот день во время обеда Балуй продолжил начатую вчера тему:

– Я её взял, открыл, а там на каком-то языке написано. На не русском, что ли...

– Как на не русском? – удивился Монгол. – По-твоему, я что, на монгольском читал? Я же только русский знаю. Дай-ка сюда книжку. Да, да! Чапыгина я и читал.

Он внимательно оглядывает книгу, но Володя Балув забирает её у Валеры. Читает вслух один абзац, несколько слов почти по слогам.

– «Не до-мой тебя веду, го-лубь, там уло-вят, а здесь не ве-да-ют... Тут мои кои вещи хоронятся, да живёт дед-ко ша-лой, ску-дной телом, юро-ди-вый...» Тьфу! – от себя уже образно плюнул Балуй. Набрался смелости и ещё попробовал: – «Казак задел лицом за пле-сень ты-на, рукавом жу-па-на обтёр ху-до-щавое, слегка рябое лицо»...

Лицо Балую после прочтения изображало полное недоумение, словно его тюкнули колотушкой по голове. Брови его встопорщились торчком.

– Вот чо я сейчас читал, чо я говорил? Ничего не понятно! Какой же это русский язык! Жупана какого-то! И деда, однако, какого-то порешили ни за что...

Всем, кому посчастливилось в этот день попасть за один стол вместе с Балуем, побросали ложки и схватились за животы от смеха. Такого представления здесь ещё не видели. Все катались со смеху. Несколько минут в вагончике стоял здоровый ядрёный хохот. Один Балуй стоял посреди комнатухи, изумлённо замерев и глядя вокруг с какой-то блаженной улыбкой. Его растерянный вид окончательно всех рассмешил. Такого Балую здесь ещё не видели. А когда смех стал утихать, Монгол попытался пояснить своему другу:

– Володя, но это же то время передаётся, много лет тому назад, и язык того времени используется.

– А! – только и выдавил из себя Балуй. Глаза его и губы уже смеялись, словно он понял что-то большее в этот замечательный день.

Бригадир вытирал глаза от слёз и сквозь смех ронял, словно жемчуг, слова:

– Bravo! Аншлаг! Зачем нам театр! Тут вам – и театр, и цирк бесплатный!

– Правильно, бригадир, – поддержал его Балуй, – нечего нам придумывать велосипед – всю жизнь работали да пили. И правильно делали! – И он зашёлся задорным смехом.

МУЗОЛЬ И ТЕ ЖЕ

Женя Музоль – родом со Псковщины. Он крепкого сложения, но до Малыша ему далеко. Как и большинство на этой стройке, он родом из деревни. Ему около сорока, он ровесник Балуя. Был он страшно наивен и принимал всё, что ему говорят, за чистую монету. Доверчивый, безобидный, как телёнок, он сносил всё с завидным терпением и никогда ни с кем не ругался. Бывало, на опалубку срочно нужно было принести доски. Балуй вколачивает гвозди и, не оглядываясь, кричит:

– Женя! – в ответ тишина. – Музоль!

– Что, Володя? – откликается издалека Евгений.

– Ты не шибко занят?

– Не шибко!

– Принеси сюда досок, штук пять.

Музоль шёл и молча приносил. Безотказный и добродушный, как ребёнок, был наш Женька, несмотря на свой далеко не юный возраст. Одно время он работал на поверхности и в нашу болотину не лез по причине того, что натёр на одной ноге мозоль. На левой он носил сапог, а на правой, пострадавшей ноге носил валенок. И, чтобы не намочить ногу, ему находили работу на суше. Именно в ту пору на участок заехало начальство для осмотра хода строительства. А так как все работали внизу и мастерили опалубки, а на поверхности копошился с досками и гвоздями только один Женя, то именно он невольно попал в поле зрения человека при галстукке и с папкой в руке. В нашу грязь начальник лезть не собирался, оглядел котлован сверху и остановился возле работника, выгибавшего гвозди. Женю до этой минуты ещё не звали Музольем. Он торчал как бельмо на глазу у Серёги Трубачева, отвечающего за наш участок и сопровождавшего теперь человека с папкой.

– А это что за явление? – оглядел он с ног до головы псковича, стоящего перед ним в одном сапоге и одном валенке. – Солдат недобитой французской армии, что ли?

– Музоль у меня, – промычал в ответ покладистый, но не изощрённый умом Женя.

– Музоль, говоришь... – недоуменно повторил начальник.

Хорошо, что рядом находился выдавший виды начальник участка, которого голыми руками не возьмёшь. Он нашёл нужный аргумент и в ответ «надавил на мозоль» начальнику:

– Мы с самого начала стройки ещё не получали гвоздей. Идёт авральная работа, и этот человек один выпрямляет гвозди на всю бригаду. Одновременно собирается несколько опалубок, а без гвоздей их собрать, сами знаете, не получится. Он сегодня находится на самом ответственном участке. А что до формы одежды... По мне, пусть он хоть голый здесь работает, лишь бы гвозди были...

Начальник согласно покачал головой, мол, да, существует такая проблема с гвоздями, сел в иномарку и покинул участок.

Когда работать никто не мешал и остались только свои, из котлована донёсся зычный голос Балуй:

– Послухай, Музоль, ты как с начальством разговариваешь? Ты должен был ответить так: «У меня мозоль-с, господин начальник-с!» А ты мычишь: «Музоль».

В котловане раздался дружный хохот. Люди побросали свои инструменты и смеялись от души в этот непредвиденный перерыв в работе. Но представление ещё не закончилось.

– Ладно, Володя, в следующий раз я так и скажу, – наивно улыбался, стоя над обрывом, Женья, которому с этого момента крепко припечатали, словно тавро, прозвище Музоль.

– А ведь точно, Музоль может. А потом честно признается, что это Балуй его надоумил, ведь он сам до такого недопетрит, – Володя, посмеиваясь, грозил указательным пальцем на взгорок: – Ты эти дела прекращай, а то с тебя сбудется... Лучше гвозди давай носи, а то кончатся уже.

Насмеявшись вволю, Балуй обратил свои взоры в сторону Монгола.

– Послушай, Валера, ты же у нас знаменитый читатель, ты должен такую мелочь знать. А как правильно пишется: «мозоль» или «музоль»?

– Я думаю – «мозоль».

– Ну вот, а эта дура сельская говорит, что «музоль», – Балуй никак не мог уgomониться. – Эй, там, наверху! А ты почему говоришь «музоль», когда все образованные люди говорят «мозоль»? – умничал бывший бригадир.

– А у нас в деревне, почитай, все так говорят...

И даже сидя за обеденным столом, нет-нет, а кто-нибудь вспоминал утреннее «бегство» начальника с участка и приукрашивал его по-своему. Никто, даже Женья не слышал, что наговорил начальнику Сергей Владимирович Трубачев. Но со стороны, из котлована, событие представлялось совсем в другом свете.

Малыш гоготал во весь свой беззубый рот:

– Это он Музоля испугался, его обувки. И сразу же чухнул от него, ноги в руки – и вперёд. Ты в следующий раз, как увидишь, что эти, в галстуках, приехали, сразу же надевай свою амуницию и встречай их хлебом-солью.

Женья наивно соглашался и смеялся вместе со всеми.

Настало и его время выговориться. Он смачно рассказывает о жульничестве торгашей.

– Рядом всегда стоит коробка какой-нибудь «Мальборы». Он вроде как курит, а там у него магнит, и стрелка весов к нему тянется. А ещё мой друг рассказывает, как он покупателей дурит, только я вам не скажу...

– Ну, мы-то не чужие! Нам-то скажи, – уламывает друга Балуй.

Тот не заставил себя долго ждать.

– У них маятник подпилен, и он всегда грамм двести недovesок держит. И когда я к нему захожу, он всегда мясо жарит! – он хлопает глазами, глядя на меня. – Это не то, что у вас там, в Казахстане! Да и у вас там тоже, наверно, дурят!

Он вопросительно смотрит на меня, словно я приехал из рая, где полно праведников, и почему-то всех вокруг начинает называть «Серёгами».

– Ты, дурья голова, расскажи лучше про что-нибудь другое, а то все секреты дружка своего закадычного повывадал. Шиш теперь, а не мяса от него ты дождёшься, – Балуй подтрунивает над бесхитростным Женьей Музодем. – Вот, скажем, про армию расскажи.

– Один раз в армии пошли мы в самоволку. Там рядом лес был, мы через него и пошли. Топали километров десять-двенадцать, если не больше. Какого лешего мы туда поперлись? Видим – огоньки горят, выходим на свет – селение какое-то.

А здание – подозрительное с виду. Смотрим – люди выходят навстречу. Спрашиваем: «А водка есть у вас?» Мы за водкой шли. Те отвечают: «Да это туберкулёзный диспансер». Мы бегом назад. Да ещё ночью, в том лесу заплутали, был там у нас один специалист, ротный Сусанин. До рассвета блукали по тому лесу. Пришли к самому подъёму, голодные, умотанные, как собаки. А ещё весь день впереди, ходили как сонные мухи. За ночь вёрст тридцать отмахали. Вот щас меня заставь столь пройти, сроду не пойду. Даже за ящик водки.

– Ну, а если за три ящика, пойдёшь? – как наивного ребёнка соблазнял своим вопросом Монгол.

– Нет, за три уже можно прогуляться. А где они есть? Куда идти нужно?

– Нет пока их нигде. Нужно заработать.

Сегодня был Женин день, он ударился в воспоминания.

– Один раз нас в фильме снимали, в массовой сцене о революции. Не то «Тихий Дон», не то «Дон Кихот», – увидев скорченную гримасу Монгола, он быстро заморгал глазами, поняв, что сморозил глупость. – А нет, вру! «Хождение по мукам», кажется. Переодели нас в старую военную форму и давай гонять по полям, по снегам... Ухайдакали за день, как могли.

– Это вас, однако, в «Дон Кихоте» уработали, – съязвил самый начитанный на этой стройке Монгол. – Ты ври да не завирайся!

– Не, точно не в «Дон Кихоте»! Но я не о том хотел рассказать... Я не такой счастливчик, как некоторые. Работал я на объекте в районе метро «Рыбацкое». Прошло сколько-то дней, а мы до сих пор ходим трезвые, как стёклышки. Ничего, кроме работы, не знаем, а пора бы маленько и расслабиться. Работал в ту пору со мной мой тёзка – Женька Воробьёв, а звали все его просто Воробей. Вот везучий был, и всё. Он нам говорит: «Давайте скинемся, а я сгоняю до магазина». Кот наплакал больше, чем мы копеек наскребли, на самый захудалый пузыришко. Вроде как он немного задержался, но не так, чтобы мы его успели потерять. Заходит, весь обвешан пузырями, как матрос гранатами вокруг пояса. Ай да Воробей! Спрашиваем его, где раздобыл? А он важный такой: «Учитесь, как деньги зарабатывать надо!» Оказывается, неподалёку от магазина фильм снимали и его на роль пригласили. Нужно было сыграть повешенного. Голову в петлю или, как там у них, под руками, чтоб видно не было. Секунду или две провисел – пятьдесят рублей. А в то время это ползарплаты было. Вот где счастливчик! Вот как люди умеют!

ДОСТОЕВСКИЙ, ИЛЬИН, КАВАБАТА

Несколько дней я проводил в одиночестве. А потом приезжала Наталья. Я привёл себя в порядок, переодевался, и мы шли в театр. Это было преобразование. После питерской грязи нашего котлована я, как крот, выбирался на поверхность и с жадностью искал отдушины для души. Я полюбил этот замечательный город с первого взгляда, с первого шага по его земле, с первого вздоха. Ещё были живы блокадники – эти необыкновенные старики и старушки.

Один раз мы с Натальей заплутали на незнакомой улочке и обратились к первой попавшейся нам навстречу бабушке:

– А как нам пройти к театру Комиссаржевской?

Старушка посмотрела на часы и с живым участием повела в нужную нам сторону:

– У меня есть десять минут, я вас доведу.

Блокадница вывела нас на перекрёсток и указала в сторону театра. Мы попали на пьесу «Идиот». Я до сих пор не забыл эту постановку: интересные режиссёрские решения, великолепная игра актёров, факелы, летящие из одного края сцены в другой.

Время, когда мы жили с Натальей в нашем вагончике, было, наверное, самым замечательным в нашей жизни. В нашем распоряжении было несколько метров обжитой нами площади. И неважно было, что стоял наш вагончик в глухом закутке, неподалёку от котлована. Мы были счастливы и страшно скучали друг по другу. Каждая новая встреча привносила в нашу жизнь новые впечатления. Мы ехали в центр города и бродили по Невскому проспекту, ходили в театры, в музеи, в церкви. Возвращались радостные и до краёв наполненные счастьем. Ужинали, сидя за старым сундуком. Глядели в окно на свет фонаря, читали стихи, а потом засыпали, убаюканные ветром, который раскачивал наш ветхий домик.

В воскресенье мы покупали кость говядины с мясом, из которой моя супруга готовила мне наваристый суп с запасом на несколько дней. А ещё Наталья заводила тесто и жарила пироги. Потом она уезжала в Выборг на работу. Оставленные мне на питание деньги я делил на две части. Одна – на питание, вторая – на книги. Отработав смену, я отправлялся в поход по книжным магазинам. Начинал с Васильевского острова, с «Академкниги». Оттуда шёл на Невский проспект, проходил его до конца, посетив каждый книжный магазин. В своё жилище я возвращался уже с покупками. Ужинал. Заводил будильник, чтобы встать пораньше и включить насос откачки воды из котлована. Просматривал купленные книги и начинал читать.

О, эти ночные упоительные часы чтения! В то время я открыл для себя И. А. Ильина: «Наши задачи», «Путь духовного обновления», «Основы христианской культуры»... Несколько томов замечательного русского философа хранились у меня в сундуке. Однажды, вернувшись с работы, я услышал мышинный писк в сундуке, открыл крышку и с ужасом заметил, что корки третьего и четвёртого томов слегка погрызены мышами. Пришлось вызволять книги из закутка. Я аккуратно уложил их в свою студенческую сумку, с которой когда-то ходил в институт, и подвесил её под потолок. Так стала храниться моя библиотека.

Наталья, приехав в очередной раз в наш вагончик, с удивлением заметила, что в супе, который я сварил накануне, нет ни мяса, ни картошки. Суп состоял из воды, соли, гороха и был приправлен зажарком из моркови и лука. Это я забыл положить в своё варево картошку. Жена возмутилась, сказав, что на такой тяжёлой работе я должен хорошо питаться. Она откармливала меня хорошей домашней пищей и уезжала. А я в следующий же вечер после работы снова шёл в книжные магазины. Я успевал буквально минут за десять до закрытия магазина, просматривал новинки.

Уже два раза Кавабата из серии «Нобелевские лауреаты» «уходил» буквально перед моим приходом. Японцев я уже читал и успел полюбить – Акутагаву Рюноскэ, Киндзабуро Оэ, Кобо Абэ... Ещё в студенческую пору мой друг, Дима Крюкович, написал мне целый список имён авторов, которых не проходят в институте. Я с увлечением знакомился с их творчеством, добывая книги, которые не так-то легко было достать в начале 90-х. Следующим именем в списке был Кавабата... Пешком я добрался до Дома книги. Каменные ступеньки в нем стёрты от того, что здесь ежедневно проходят тысячи покупателей. Резиновыми подошвами вышаркана каменная твердыня ступенек. Сколько миллионов людей прошло здесь, прежде чем появились эти углубления! Я поднялся на второй этаж и купил нужную мне книгу, правда, значительно дороже, чем планировал.

Ночью я уже с удовольствием читал повесть «Спящие красавицы»: «И вдруг Эгути почувствовал, как в теле девушки зазвучала музыка, которая словно рассеяла томившее его холодное сознание вины. Музыка эта была полна любви». До Натальиногo приезда я уже окончил чтение полюбившейся мне книги. Особенно понравились рассказы «Письмо о родинке», «Юмиура» и «Луна на воде». Несколько дней я находился под впечатлением от прочитанного.

Когда Наталья возвращалась в Санкт-Петербург, мы гуляли с ней по любимому городу. Бродили по его улочкам и паркам, останавливались возле домов, колонн и витрин. Однажды, проходя по Невскому в очередной раз, мы решили заглянуть в «Суши-бар». Суши были тогда диковинкой. Нам было любопытно узнать, чем питаются в Японии. Заказали по одной порции суши и сок. Вышли такими же голодными, как и вошли. Разочаровались, так и не поняв, почему за такие мизерные порции берут такие неплохие деньги. Вкусовые качества суши нас не поразили: как говорится, рис, он и в Африке рис. Ничего особенного. Наталья, умеющая готовить «из ничего», сказала, что на эти деньги можно отварить ведро риса и досыта накормить целую улицу жителей в моём селе. Мы решили, что духовная пища японцев намного «сытнее» их настоящей пищи, если это сравнение вообще возможно.

В одной из записок, которые я на скорую руку черкал в то время, сидя вечерами за своим необыкновенным столом-сундуком с мышинным писком, осталась дата – 29 сентября 1994 года. И вот что произошло в этот осенний день. На Васильевском острове в ожидании поступления книжек я два часа бродил по округе. Зашёл в Андреевский храм, купил две свечи по 300 рублей (самые дешёвые). У меня в кармане было всего две тысячи рублей и ни копейки за душой кроме этого, ни здесь, ни дома (в вагончике). Поставил две своих «бедненьких» свечки: одну за упокой, а другую за здравие. Прочитал несколько раз у разных икон «Отче наш» (это всё, что я знал в ту пору). На душе было ой как беспокойно! Я ждал конфликта с Натальиным дедушкой, который, по моему предположению, должен был последовать после одного моего некорректного разговора. Я чувствовал свою вину перед этим светлым, с открытой душой человеком. В этот вечер я должен был прийти к ним в гости. Видимо, не зря нужные мне книги привезли в тот день с задержкой. Я с пользой для души провёл это время. Молился неумело, но искренне, подбирая слова. Мне хотелось помириться с Феокистом Васильевичем, но я не знал, как. Об этом и просил, стоя в Андреевском храме. Домой возвращался поздно. Шёл и шёл по Невскому. Неподалёку от Дома книги ко мне подошли две девушки, прилично одетые, стали клянчить у меня деньги. Обескураживает, когда тебя по каким-то признакам выбирают из толпы и просят деньги именно у тебя. Девушки были приезжие: говорили они с типичной московской «протяжкой», заметно «акали»: «Мы ма-асквички... В первый раз в вашем замечательном городе. Остались без денег. Если можете, памагите деньгами, нам не хватает на обратную дарогу!» Я выгреб из кармана остатки денег, оставил себе на метро, оставшиеся крохи отдал «масквичкам». Они ожидали большего, вскользь проронили: «Спасибо великадушнае!» И отправились со смехом дальше. Хоть и жил я, как отбившийся от табора цыган, в своём захудалом вагончике на краю заболоченного котлована, но я был полностью согласен с этими московскими хохотушками в том, что это – замечательный город. Даже скажу больше – это самый лучший город на свете из всех, которые я видел. А за это можно много отдать, не то что последнюю мелочь!

В этот вечер я долго катался в метро. Куда попало несло меня. Зачем-то съездил на станцию метро «Рыбацкую». Потом обратно. С удовольствием читал «Идиота». На время книга отвлекла меня от суеты. Ехать в гости не хотелось. Какие толь-

ко мысли не лезли в мою голову, чего я только себе не навывдумывал! А когда я пришёл на улицу Типанова, куда должна была приехать Наталья, меня встретил её дед с радостной улыбкой, будто он встречал самого дорогого гостя. Такой это был незлопамятный, чистый душой человек! Всё уладилось без слов. Мне было неловко за свои предположения, которые мутили моё сознание ещё час, минуту тому назад.

В этот вечер мы снова шли с Натальей по вечернему любимому городу в наш замечательный вагончик, что стоял на участке самой обычной стройки.

МЕХАНИЗАТОРЫ. БАЛАМУТ И ЛЁШКА СВИСТУНОВ

За полгода работы на этом участке у нас сменилось несколько экскаваторщиков, несколько трактористов и крановщиков.

Дядя Саша Саботаш – самый старший на нашем участке. Он уже собирался на пенсию. Сетовал не раз на свою «непутёвую» фамилию: «Лучше б мне досталась фамилия Поскреботенко или, скажем, Нержавейко. Куда привлекательнее! Не то что Саботаш».

Его весёлый смех было слышно с дальнего угла котлована. С утра его трактор не хотел заводиться, Саботаш что-то откручивал на нём, продувал. Об этом он так говорил бригадиру:

– Пришлось поколдовать немного. А то – трактор бздынь и бздынь! Я его завожу, а он снова – бздынь! Ха-ха-ха... Но я его недолго уговаривал. Бздынь – и завёл.

Как-то на работе у меня оторвалась верхняя пуговка на куртке. Дул прохладный ветер, и неприятно продувало грудь. Дядя Саша работал рядом.

Я, шутя, спросил у него:

– Что можно открутить на вашем тракторе, чтобы застегнуть грудь?

– Если откручивать, то начинай со звёздочки! – весело посмеиваясь, ответил он. (Звёздочка на этом тракторе весит не меньше пуда.)

Пошутить он умел хорошо. Говорил, что в этом плане ему с женой не повезло:

– Она совсем не понимает юмора! Вчера пристала ко мне, говорит, зачем я лаял на собак. Как же это я лаял? Я с ними говорил. Что ж делать, если они по-русски не умеют говорить? Следует мне, значит, по-ихнему, по-собачьи, научиться. А собаки все соседские, я их всех знаю. И они меня все знают. У соседей яблони хорошие, а у меня всего четыре штуки уродилось...

– Яблони? – спросил Монгол-Полглаза, оказавшийся рядом.

– Яблока! Какие там яблони, – весело хохочет тракторист. – А собак я потому и приучаю, мне же яблок соседских тоже хочется!

Он выглядел гораздо моложе своих лет. Я поинтересовался, как ему удаётся так хорошо выглядеть?

– Женщины, только женщины всему виной! Это они, они, родные... – его голубые глаза светятся огоньком. Лицо красное, щеки горят – это он уже с утра дозу принял. – Вот я бегу утром сюда, а по дороге киоск стоит. Грабители там сидят: продают мне стакан водки за грабительские деньги. Подзаправлюсь, и скорей на работу!

Выходя из вагончика, с самого утра он начинал рассказывать анекдоты, заряжал всех смехом и доброй энергетикой. Если он сердился, гнев у него проходил быстро.

Как-то утром он оскорблённо рассказывал о том, что с 26 октября по приказу Ельцина не будут продавать спиртное в ларьках.

– Ведь это же спекуляция будет! Он что, не понимает этого? Я на его месте наоборот бы сделал! Чтоб водка по рублю стоила, чтоб каждый мог взять столько, сколько может выпить. Тогда слабые вымрут, а сильные останутся, – он заметил мой изумлённый взгляд и весело засмеялся.

Ельцина я, как и большинство меня окружающих, терпеть не мог. Но дядя Саша, эдакий весельчак, выдавал перлы прямо нищенские: «падающего подтолкни», выживает сильнейший. Балуй долго приглядывался к нему, а потом как отрезал: «Хороший баламут». Так, благодаря Балую, к его имени приклеилось: «Баламут» Санька Баламут.

Как-то во время обеда он, как всегда навеселе, забежал к нам в вагончик и угостил кефиром, при этом выдал очередной перл: «Мы, мужики – народ, а женщины – враги народа».

Балуй от кефира отказался:

– Утром, Серёнька, он тебе признавался, что молодо выглядит благодаря женщинам, а в обед говорит, что женщины – враги народа. Ну разве не баламут? Стопроцентный баламут!

Видимо, по этой причине, когда Монгол, придя из конторы, принёс газету с рекламой о кастрации, Балуй тут же предложил внести в список и Саньку Баламута.

Когда стройка только ещё начиналась, вместе с Баламутом в вагончике механизаторов ютился экскаваторщик Лёшка Свистунов. Редкий псих и неудачник. Что было причиной, а что следствием – неудачи от того, что психовал, или психовал от того, что по жизни не везло? В общем, человек это был своеобразный, неуравновешенный и раздражительный, он со своими истеричными выходками не вполне вписывался в нашу весёлую бригаду. У Лёшки было детское лицо, щупленькая детская фигурка, узкие плечики, тоненькие ножки и худые руки, сплошь покрытые наколками. Он был похож на цветок, которому не дали вырасти и распуститься и засушили задолго до цветения. Какой-то червь поедал его изнутри. Безрадостный, он почти никогда не улыбался, словно его приговорили к вечной печали в такие молодые годы.

С утра все механизаторы «принимали на грудь». Этим они отличались от нашей бригады строителей, упорно дожидавшейся выходных. Лёшка-псих, выходя из вагончика, как обычно, прижал тонкие ручонки к груди, как зайчонок, и короткими быстрыми шагами направился к экскаватору. В обход идти ему не хотелось, и он подошёл к обрыву. Мы с электриком Колей внизу чинили насос, забарахливший в это утро и не откачавший нужное количество воды.

Лёшка, прежде чем прыгнуть, окликнул бригадира:

– Витя, смотри, как я могу! – и полетел с трёхметровой высоты, засыпав песком разобранный насос.

– Осторожней можешь! – электрик метнул недобрый взгляд в сторону прыгуна.

Тот посмотрел своими детскими обиженными глазами на нас.

– Ну, на, побей меня за это, на...

– Дурак ты, – покачал головой Николай.

Проходя к экскаватору мимо ямы с водой, он не удержался и свалился в неё. Лёшка стоял по пояс в воде, лицо выражало бессилие и горе. Выбраться из вязкой грязи у него не было сил. Малыш подобрался к самому краю ямы и, поймав Лёшку за воротник, как нашкодившего мальчишку, вытащил того на сушу. На этом его невезения не закончились. Это были только цветочки. Гусеничный экскаватор Лёшки Свистунова разломил бетонную плиту и, лишив себя тем самым крепкой опоры, засел по самое брюхо в густую болотистую грязь. Стёкол в его кабине не

было, что показалось мне весьма странным, ведь на улице была осень и через день лили дожди.

– А куда стёкла девались? – спросил я у электрика.

Николай сидел на бетонной свае, подложив под себя голицы.

– А зачем они ему? – с холодным спокойствием говорил Николай, который знал этого психа уже давно. – Сейчас сам всё увидишь!

Электрик глядел в сторону засевавшей машины, ожидая представления. Вся бригада собралась неподалёку – работа без экскаватора была сорвана.

Минут десять экскаваторщик пытался вытащить свою технику из грязи, машина уже перегрелась и перестала подчиняться своему непутёвому хозяину. Упёршийся мощной клешней в землю агрегат напоминал собой железного краба. Лёшка, не в силах управлять измученной техникой, сдался окончательно. Он оторвал руки от рычагов. Лицо выражало отчаяние и страдание. Вдруг оно стало злобным, и в тот же момент он ударил обеими ногами в сторону лобового стекла, в нижнюю перегородку. Потом ещё раз и ещё, бил до тех пор, пока не прошёл у него истерический приступ злобы. Лицо его снова стало слезливым. Спрыгнув с подножки в грязь, он приложился плечом к клешне и принялся её толкать, словно намеревался вытащить её вручную. Над его бессмысленными действиями посмеивалась вся бригада. Лёшка, отстав от клешни, подбежал к первому подвернувшемуся ему под руку человеку и повёл его к себе в кабину. Монгол дёрнул рычаги, как просил его экскаваторщик, но загнанная машина не поддавалась. Сидя в кабине, Валера не без удовольствия дёргал рычаги, пытаясь управлять серьёзной техникой. С жевательной резинкой во рту он что-то кричал нам, но из-за грохота дизеля трудно было разобрать слова. Он качал головой и смеялся, видимо, от того, что роль экскаваторщика пришлось ему по душе. Раскрасневшийся, он пошёл обратно к нам. А Лёшка, заглушив технику, направился в вагончик механизаторов за помощью.

В этот день из-за непредвиденных обстоятельств мы сделали совсем мало работы. И на следующий день, когда экскаватор уже переместили на другое место, мы битый час ждали, когда непутёвый Лёшка выкопает яму под фундамент. Прилетевшая откуда-то назойливая оса, выбирая себе жертву, облетела всю бригаду и в конце концов оказалась в кабине Свистунова. Он обозвал её гнидой и тут же бросил рычаги, отчего башню повело влево. Потом подпрыгнул, пытаясь поймать осу, и ударился головой о потолок крыши. Вечно невезучий Лёшка согнулся от боли, зажав голову руками. Когда оса улетела, он вцепился в рычаги и стал копать дальше. К трём часам дня намеченная ему на день работа была выполнена.

Он заглушил экскаватор и пошёл к себе в вагончик. По дороге он вырвал с корнем, как сорняк, сине-фиолетовый цветок, росший у дороги из-под бетонной плиты. Это был единственный запоздалый цветок на нашей стройке. Я давно его заметил и берёг для Натальи, чтобы подарить ей в очередной приезд. Мне показалось, что Лёшка выбросит его, так грубо вырвал он бедный цветок. Я пошёл вслед за ним. У входа в вагончик мы с ним встретились. Он уже выходил и не сразу понял, что я от него хотел. Он по-детски надул губы, глядя на меня пьяными непонимающими глазами и вытянув руки ладонями вверх, словно пытаясь показать, что у него ничего нет. А потом, догадавшись, повёл меня в вагончик. Цветок стоял на столе в бутылке с водой. Мне стало неловко за себя, ведь цветок был не мой, и каждый на нашей стройке имел на него равные права.

На следующий день Лёшку Свистунова уволили за то, что он, как ту привязчивую осу, обозвал в пьяном виде заместителя директора стройки. А Лёшкин цветок до самых холодов стоял в вагончике механизаторов.

МУЗЕЙ КИРПИЧЕЙ. ЗАБРОШЕННЫЙ АЛЬБОМ

Стройка шла своим ходом. Малыш виртуозно работал отбойным молотком. Опалубку мы ставили вокруг свай, забытых в землю. Эти торчащие выше положенного уровня сваи нужно было убирать. Малыш, беззубо улыбаясь, показывал мне, в каком месте идёт в свае арматура. Нужно было отступить чуть дальше от угла и отбить бетон отбойным молотком. Я хотел научиться пользоваться этим инструментом так же умело, как это делает Малыш. Несколько раз я попадал прямо в арматуру, но вскоре научился. Никаких премудростей в управлении данной техникой не было. Вскоре я набил руку в этом деле и заменил на отбойном молотке Малыша. Молоток нужно было держать под определённым углом и отбивать бетон с разных сторон. В азарте работы я забирался по колено в болотную грязь, отчего сапоги наполнялись ледяной жижей. По-другому было нельзя. После подготовки свай к одной опалубке я выливал из сапог воду, выжимал портянки и шёл сушиться в свой вагончик. Электросварщик Коля срезал арматуру, а верхний кусок сваи краном вытаскивали из котлована на обочину.

Через несколько дней после того как затвердевал бетон и снималась опалубка, в этот угол котлована ссыпали машинами всякий ненужный строительный хлам, что свозили с других строек. В основном это был старый кирпич. Был битый, но немало было и добротного, крепкой заделки, который можно было использовать при обычном строительстве. Однажды мне на глаза попался добротный, крепкий, почти новый кирпич. Когда я внимательно стал рассматривать свою находку, то с удивлением обнаружил на кирпиче печать изготовителя. Чётко читалась фамилия, в конце которой стояло устаревшее «ять». Так это же – старый царский Петербург! И кирпичу этому не меньше сотни лет! Я был в восторге от найденного. Балуй, не разделявший моей радости, посмеивался надо мной: «Так тут это обычное дело. Знаешь, сколько в этот котлован такого «бутора» свезут, пока наполнят!» И всё же бригада знала о моем увлечении, и если вдруг попадалось что-нибудь «интересненькое», мужики откидывали для меня в сторонку свою находку. Кирпичей собралась целая куча. Я брал только с чётко читаемыми надписями, и чтобы фамилии на них не повторялись. Кирпичи я стаскивал к своему вагончику, ставил на ребро в стороне от входа. Вскоре с двух сторон от крыльца под моим домом на колёсах собралось несколько десятков очищенных от грязи и вымытых кирпичей. На каждом был оригинальный знак или фамилия изготовителя. Целый музей.

Скажу несколько слов об отношениях с начальством. Бригада уважала начальника участка Сергея Владимировича Трубачева, который никого из рабочих в обиду не давал, всячески заступался перед вышестоящим начальством. Он хорошо знал всех своих подчинённых. И если сегодня кто-то проштрафился, завтра вдвойне отработает, чтобы загладить свою вину. Поэтому в нашей бригаде практически не было текучки. Трубачеву отвечали взаимностью все без исключения. Уважали и моего зятя Михаила, которому непосредственно подчинялся Сергей Владимирович. Остальное начальство совершенно не интересовалось, чем живёт простой строитель. Вели себя «кормильцы», как их называли работяги, высокомерно, вероятно, относя себя к белой кости, которая никогда не наденет фуфайку и не ползет в грязь. А так как я жил в вагончике, разделённом на две половины, в одной из которых днём должно было размещаться наше непосредственное начальство, то в узком кругу мы звали друг друга по именам, без всякого величания. Мы были ровесниками. «Начальская» половина вагончика, в отличие от моей, была не протопленной. Её отвели под склад, вскоре там поселилась и хозяйничала крыса, постоянно брэнча какими-то железками. Мы с зятем и Серёгой Трубачевым вместе

скидывались деньгами на обед и ели на бывшем в моем пользовании сундуке. Когда я в первый раз пошёл в магазин за продуктами, Миша что-то крикнул мне вслед, но издали было уже не слышно. Возвращаясь, чтобы переспросить, мне не хотелось. Я набрал консервов и вернулся в вагончик. Когда Миша, коренной ленинградец, увидел мои покупки, ему ничего не оставалось, как улыбнуться и развести руками: «Да, именно петрозаводский зельц я тебя и просил не брать». Куда деваться, пришлось есть свиные хрящи. Ещё и собакам, которых немало бродило на стройке, еды досталось.

В один из обеденных перерывов на стройку приехало начальство. Я сидел на сво ём деревянном крыльчке и занимался любимым делом – аккуратно счищал ножом с кирпича засохшую грязь. Уже полностью просматривалась фамилия очередного кирпичных дел мастера. И тут меня окликнули: «Отец, а ты чо тут делаешь?» Передо мной стоял округлый мужчина с одутловатым лицом. Судя по чистой одежде и галстуку, это был один из начальников нашего ведомства. Он был моего возраста, поэтому столь странное обращение меня несколько покорило. Я действительно сидел в грязной рабочей одежде, в грязных сапогах, как и положено бетонщику. Возможно, мой вид и вызвал у рано пополневшего начальника брезгливость. Я аккуратно отложил в сторонку кирпич, а нож вогнал в ступеньку крыльца с таким смачным звуком, что щекастый начальник ретировался так прытко, что вызвал у Балую, проходившего мимо, истерический хохот. Он долго у меня допытывался, что я ему такое сказал, но я не стал обсуждать с ним этот случай.

Как-то, прогуливаясь по периметру нашей стройки в сопровождении прикормленных мной бродячих собак, я забрёл в самый дальний уголок. Дальше уже начинались гаражи, пустырь и шла железнодорожная линия, по которой частенько с железным перестуком проносились электрички. На том краю нашей территории уже образовалась солидная свалка строительного мусора, которым позже должны были засыпать наш котлован. Я снова искал кирпичи для своего музея. Уже смеркалось, когда я заметил ухоженный, весьма приличный альбом, что валялся среди прочего хлама. Я принёс его в вагончик, протёр тряпкой и после ужина занялся рассмотриванием моей находки. На корке был изображён большой красивый цветок. Стоило открыть мне альбом, как на меня глянула красивая девушка, поразившая меня глубиной своего взгляда. Меховой воротник её пальто плотно облегал шею, белый шарфик тонкой полоской подчёркивал открытость её лица, на голове – чёрная шапочка с аккуратным бантом, из-под которой выбивалась тёмная прядь вьющихся волос. Нежное ангельское личико. На обратной стороне подписано: «Дорогой тёте Валечке на память от Гали. 1.1.1955 г.» Похожая фотография была и на следующем листе: «Любимому братику на память от сестрёнки. 5.1.1955 г.» И ещё подписано тем же красивым почерком: «В человеке надо увидеть не красивую внешность, а прекрасную душу, красивый внутренний мир». Девушка понимала, что она действительно красива. И, если верить её словам, то и душа её соответствовала внешнему облику, по крайней мере, на этом настаивала сама Галя, надо было только «увидеть... красивый внутренний мир».

Наивная пора юности! Если бы всё было так просто. Сколько раз я в этом ошибался! В неприглядном флаконе бывают изумительные духи, а в красивой бутылке с вином – редкая кислятина. Мой армейский комбат Тарков был высок, с вытянутым лицом и далеко не красавец, а ему мы верили, как отцу родному. Потом был комбат Селиванов, по-бабьи красивое лицо было у него, но редкостный был негодяй! Такие думы одолевали меня у чужого альбома, стоило мне только заглянуть в него.

На нескольких листах помещались фотографии моряков. Один из них – Вершинин Владимир из Старой Руссы – с мужественным лицом, с целеустремлённым взглядом, с аккуратно зачёсанными волосами и ямочкой на подбородке. Дата – 27.5.56 г. Дальше – моряк с двумя девушками, одна из которых – Наташа Кушаковская подписала фото: «Пусть волны жизненного моря не смоят память обо мне. 1953 г.». Ещё интересная фотография: кавалеристы девятого червоно-казачьего полка. Дальше – бабушки, дети...

И снова – Галя. Она в белой, плотно застёгнутой рубашке, с блестящим бантом на голове: «Подлому брату, не забывай свою когда-то любящую сестрёночку. Так она выглядит на сцене. 13.7.1955 г.». Вот она смотрит на Исаакиевский собор, ветер треплет её волосы. На одной фотографии она сидит с морячком: слегка растрёпаны волосы, и совсем изменился взгляд. В глазах – тревога, грусть. На одной из последних фотографий – подбородок у неё вытянут вперёд, словно она летит, глаза устремлены вдаль, а в них – тепло, ожидание чуда... А вот и чудо свершилось – Галя с малышом, который в форме морячка стоит на стуле, держась за спинку. У него пухлые щёчки и грустные глазки.

И вот волной времени смыло всё: и храбрых моряков, и лихих казаков, и красавицу Галю, и Наташу... Если альбом оказался выброшенным, значит, не осталось никого из этой семьи, кто мог бы сохранить эту память. На внутренней стороне обложки был написан адрес хозяина альбома: «Улица Баррикадная, дом 28, кв. 12. Филька Малкин».

Поздно я уснул в эту ночь. Этот случайный альбом и переживания за чужую судьбу не давали мне покоя. На следующий день я едва дождался окончания рабочего дня. Заранее расспросив у ребят из нашей бригады об улице Баррикадной, я помчался по известному мне адресу. Помню, что дом был невысокий – в два или три этажа. Я постучал в дверь с номером 12, но мне никто не открыл. Позвонил соседям. Вышла женщина. Я у неё спросил о Малкине Филиппе из двенадцатой квартиры. Она ответила:

- Он не так давно умер.
- А что с ним случилось?
- Одинокий был. Спился...

МОЛЧУН, ХРУЩЁВ И ПРОСТО ГЕННАДИЙ

Вскоре вместо Лёшки Свистунова пришёл другой экскаваторщик. Лет сорок пять ему было. Звали Геннадием. Самое интересное, что ему никак не могли придумать прозвище – оно не придумывалось. Даже большой умелец в этих делах – Балуй впал в прострацию, ведь прозвище не могло возникнуть просто так само по себе, взяться из ниоткуда. Прозвище – дело серьёзное, и припечатывается как тавро – на всю жизнь. Ничем таким «особенным», за что сразу можно было зацепиться глазом, Геннадий не отличался: ни большой, ни маленький, ни ущербный и не баламут. В общем, так, с именем, данным ему родителями, он и работал на нашей стройке. Гена всегда ходил с расстёгнутым воротом – грудь нараспашку, покрытая каракулем чёрных волос. На лоб его прядями свисали волосы, кучерявились на ветру. Глаза, как стёклышки, поблёскивали каким-то прохладным светом. Выпивал он со всеми наравне. Но как он работал! Ювелир! До сантиметра прорывал землю между сваями, филигранно убирая пласты, словно этот железный ковш был продолжением его руки. А когда экскаватор не мог подобраться с какой-нибудь стороны к свае, он прыгал в яму и своей лопатой срезал куски грязи, чтобы удобнее было зацепить их ковшом. В деле своём он был дока.

На погрузчике работал Витя-Молчун. Лет сорока человек. Бывало, за день не проронит ни слова. Словно немой. Тихий, смиренный, молчаливый. Ходит себе тихонечко, помалкивает, на погрузчике едет – тоже молчит.

Раз подошёл ко мне, спрашивает:

– Как твоё фио?

Я не сразу догадался, чего хочет от меня Молчун. Я представился, и он молча ушёл.

Иногда Витя едва слышно стучался в мою дверь, чтобы позвонить. Весь его вид – само смирение. Мягкой, плывущей походкой он подходил к телефону, брал трубку и, стояло только знакомому голосу обозначиться на другом конце провода, как Витя начинал громко, угрожающе горланить:

– Нина! Ты меня слышишь?! Ты поедешь на той электричке, на которой я тебе сказал! Ты меня поняла?!

Когда трубка телефона оказывалась на месте, он снова становился тихим и спокойным и уходил от меня плавной походкой с мягкой поступью.

На гусеничном кране работал человек, которого угораздило быть похожим на Хрущёва. Говоря словами Молчуна, «фио» крановщика тут же куда-то испарилось, а на его месте, как мокрица в сыром углу, появилось прозвище – Хрущёв. Уже с утра он был пьян, и это было видно невооружённым глазом.

До обеда бетон не привезли, и механизаторы, отогнав погрузчик за свой вагончик, стали загружать в него стеклотару. Молчун в радостно-возбуждённом состоянии присвистывал, сидя за рулём. Он выехал за ворота и отправился в город к ближайшей бутылочной. Сдав стеклотару, они купили водку. А после обеда пришёл бетон. Хрущёв был совершенно пьян. Когда он стал поднимать «кублу», зацепил по очереди несколько свай, между которыми было метров по восемь. Ему всё не хватало места. Потом он стал выпрямлять стрелу, задрал её в небо. Тут уже равнодушных не осталось, все его поносили на чём свет стоит. Одутловатое, пустое лицо его было устремлено в небо. О чём он думал, куда пытался подать «кублу» с бетоном? Монгол сорвал голос, когда кричал Хрущёву, пытаясь привлечь внимание. Тот ни на что не реагировал: глядел отрешённо вверх, нижняя челюсть отвисла вниз, рот был растянут до крайних размеров.

– Глянь-ко, Балуй, как Хрущ рот расшиперил! Наверно, кублу хочет проглотить! – после приступа ярости Монгол впал в истерический смех.

Наконец «кубла» стала приземляться. С невероятным усилием она пробралась между сваями. Но тут, на горе крановщику, на пути оказался трактор. «Кубла» тут же над ним зависла. Он попытался уместить её прямо на крышу трактора. Когда бетонщики разгадали его манёвр, тут же принялись стучать в кабину крановщика. И если бы его не вспугнули, то «кубла» оказалась бы на тракторе. Одним объектом, не тронутым разбушевавшимся краном, оставался экскаватор. Туда и направилась стрела Хрущёва. На крышу «кублу» поставить не удалось, а вот железную клешню – зацепил. Гена был в ярости, кричал, стоя на подножке своей гусеничной машины. Пообещал, что выбросит Хруща с крана. Ещё час назад они вместе сидели за одним столом в вагончике механизаторов, дружески беседовали, а теперь вон какое дело приключилось. Невменяемый крановщик совсем потерялся в пространстве. Напоследок, разворотив нашу опалубку, куда следовало заливать бетон, он уснул прямо за рычагами. Гена, как и обещал, выкинул Хруща из кабины, сел на его место и доставил «кублу» с загустевшим бетоном к нашей опалубке, которую мы всей бригадой быстро восстановили. Нам пришлось здорово напрячься, чтобы успеть выработать раствор, пока бетон не схватился. Хрущёв, весь в грязи, шатаясь, подался к своему вагончику.

Рабочий день подходил к концу. Я проходил мимо вагончика механизаторов, когда увидел переодевшегося в чистую одежду Хрущёва, который собрался идти домой. Вид его вызвал во мне приступ дикого хохота. Он был в шляпе, в руках держал авоську. На нём была длинная рубаша, а из-под неё торчали семейные трусы. Пухлые мускулистые ноги были покрыты редким волосом. В таком виде он собрался идти домой. Шляпу надел, а брюки – забыл. Я его окликнул, но он меня не заметил. Пришлось затянуть его в вагончик, сунуть ему в руки брюки и заставить их надеть.

Больше Хрущёва мы на нашей стройке не видели.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В пятницу с утра задул ветер с Балтики. После завтрака у меня разболелся зуб. Малыш, с которым мы разбирали опалубки с готовых стаканов, мне тут же предложил:

– Так ты кого тянешь? Сделай на больной зуб опалубку, залей его цементом. Цемент же бесплатный!

Мне было не до смеха. Дядя Саша Баламут, что крутился возле своего трактора, тут же предложил свой способ лечения зуба:

– Возьми ватку, намотай её на палочку, окуни в аккумулятор, в кислоту, и острожно сунь её в дупло. Сначала зашипит-зашипит, как бы давит, с нервом борется... А потом – бздынь! Как будто током ударило: нерв сдох, и всё нормально. Только надо потом промыть аккуратно рот, прополоскать. Зуб постепенно, по частям выпадет. Способ это новорусский – последний крик моды. Очень действенный. Сам проверил. А мой отец так лечится: возьмёт напильник трёхгранный, маленький. Накалит его докрасна – и в дупло – бздынь его. И всё – как рукой снимает!

Ни один из этих живодёрских способов меня не прельщал. У кого-то из нашей бригады нашлась обезболивающая таблетка, и это слегка притупило мою боль.

Малыш, с которым я работал в напарниках, выбивая из досок гвозди, рассказывал:

– Один раз дома по пьяни я вот что натворил. Жене, вместо того чтобы промолчать, всё нужно – поперёк меня. А как её утихомирить, слов таких ни на какую женщину не найдёшь, чтоб смолчала. Один аргумент у меня лишь остался – я кулаком по столу вдарил. Он согнулся вокруг кулака, как раскладушка, словно в том месте, куда вдарил, шарнир стоял. А был тот стол ещё новенький, три месяца, как купили. Утром встал, а припомнить ничего из предыдущего дня не могу. Стол аккуратно застелен, на столе – завтрак. Только жена не разговаривает. Это меня насторожило, спрашиваю: «Ты чего молчишь?» Она молча поднимает скатерть: стол восстановлению уже не подлежит! Я удивлённо посмотрел на жену: «А при чём здесь стол? Ведь я с тобой ругался, а не с ним». Пришлось новый стол купить.

С Витей Малышом я совершенно забыл о больном зубе.

– Не, ты не подумай, что я жену бью. Сдалась она мне. За двадцать пять лет совместной жизни один раз только и было. Опять же – просто опустил кулак ей на плечо, а оно вспухло до самого локтя – синим. Назавтра, ложаюсь в постель, замечаю у жены синяк и допытываю: «Что, любовник поставил, а? Чо молчишь?» Отвечает: «Тот любовник, что ударил, со мной в постели лежит». Я насторожился, вокруг никого, кроме меня нет. Пытаю её: «Какой любовник?» Отвечает: «Да ты, голова твоя дурья! Допился и не помнит, как жену лупил! Эх, ты...» Все же синяк от своей руки я признал. Но не лупил я её, просто руку на плечо уронил...

Приближалось время обеда. Ветер усилился. По территории летели целлофановые пакеты, бумага с горы строительного мусора. Пластмассовые баночки из-под масла «Воймикс», отведённые мной собакам под обеденные чашки, понесло за вагончик, прибило к бетонной стене. Пообедав, я отправился в бригадный вагончик. Мужики играли в домино. На столе стояла недопитая бутылка водки. Бригадир сказал, что объявили штормовое предупреждение. Это значит, что на кране работать нельзя. Одним словом, пришла пора расслабиться, отдохнуть.

В уголке стояли реечки, аккуратно связанные. Я поинтересовался, для чего, ведь мы такой столярной работой не занимались.

Балу́й, не отрываясь от игры в домино, ответил:

– Это я, Серёнька, на гроб себе собираю.

Все дружно посмеялись. А Монгол, который был в курсе всех дел своего друга, пояснил:

– Да это он на дачу себе. Занял внаглую кус земли у государства, поставил там домишко и вот таскает потихоньку туда всякое добро.

Балу́й сегодня был в ударе. Ему везло в домино:

– Этот волк пролетает, как собака над Парижем! – он с удовольствием припечатал костяшку к столу. – «Прокатись», Витя! И вообще, нельзя пить чай, когда играешь в азартные игры...

Вечер обещал быть весёлым. Через пару часов, дойдя до нужной кондиции, Володя Балу́й, как обычно, пойдёт бороться с Малышом, будут мять друг другу бока, ворча, как медведи. А наутро Володя будет стонать от того, что все кости у него отчего-то болят.

Я не стал задерживаться, пошёл переодеваться, чтобы встретиться с Натальей у станции метро. Я с нетерпением ждал этой пятницы, ждал этой встречи. Я пешком прошёл две станции метро до «Московской», где меня поджидала моя супруга. Мы поужинали и пешком пришли в свой вагончик. По дороге нам встретился дядя Саша Баламут, сказал: «Ваши хороши сегодня. Аж форкопы гнут, напились как...»

Одна часть ворот была скинута с петель – не похоже было, что это свирепствовал ветер. Явно прослеживался след дикой человеческой деятельности. Свет в рабочем вагончике ещё горел, слышны были весёлые голоса. Мы с Натальей посидели, рассказывая друг другу о событиях прошедшей недели.

Я вышел, чтобы включить насос откачки воды и заметил в темноте силуэт возле дороги у ворот. Он стоял, как вкопанный, на одном месте. Я подошёл к нему ближе, наверняка зная, что это кто-то из нашей бригады. Но кто? Музоль стоял в луже, набрав полные туфли воды, и не мог оттуда выбраться.

– Женя, это ты?

– Да, это я. Послушай, Серёга, а вагончик-то украли! Пока я выходил на улицу, его упёрли куда-то... – он смотрел в ту сторону, где, по его мнению, должен был находиться вагончик.

– Как украли? – подыграл я, едва сдерживая смех, потерявшемуся в пространстве Жене.

– А вот посмотри, нету! Труб каких-то поналожили вместо вагончика.

Я едва стоял на ногах от смеха. Стоило ему повернуться несколько правее, чуть дальше этих труб, которые уже месяц лежали на этом месте, и, как на ладони, – всеми огнями светился вагончик строителей. Его нельзя было не заметить! Мне даже показалось, что Женя нарочно мне морочит голову. Я даже переспросил его, мол, точно вагончик угнали? Но он уверял меня, что ещё минуту назад вагончик стоял на том самом месте, где сейчас «валяются трубы». Столько растерянности было в его словах!

– Серёга, урони меня куда-нибудь поспать. Мне часика три нужно полежать, а потом я пойду домой.

К себе в вагончик я не мог его увести, у нас и так одна кровать на двоих с женой. Можно было открыть ему вагончик механизаторов: я знал, где у них находится ключ. Но самое лучшее было бы «отыскать» родной вагончик строителей. Он попросил, чтобы я подал ему руку. Для этого мне пришлось одной ногой залезть в лужу. Он с моей помощью выбрался на сушу, уцепился за мой локоть, и я, как поводырь, повёл его в нужном направлении.

– А почему ты один, Женя? – поинтересовался я у товарища.

– Да как шакала выбросили...

Он не уточнил, кто это так жестоко с ним обошёлся. Видимо, в его пьяном воображении рисовалась картина угона вагончика вместе с его друзьями, откуда его и «выбросили». Шёл он, держась за мой локоть, ровно, не шатаясь, но медленным, мелким шагом.

Я подвёл Музоля вплотную к «угнанному» вагончику, и тут он восторженно воскликнул:

– О-о! Вагончик! Откуда он взялся?!

Женя никак не мог понять секрета внезапного появления дома на колёсах.

Я его ввёл внутрь вагончика. Моим глазам предстала следующая картина: Балуй и Монгол крепко спали на лавочках, лёжа на спинах. Я сдвинул две лавочки вместе, чтобы Жене было удобно спать, постелил ему фуфайку. Он поблагодарил меня, сказав, что фуфайка уже лишнее удобство для него, и завалился спать. Я выключил свет, услышав полусонное «благодарю», и пошёл к себе.

Утром я заметил движение в вагончике строителей и пошёл проведать своих товарищей по бригаде. Мы поприветствовали друг друга. Балуй распределял обязанности:

– Тут я вчера спяну-то напиллил, уберусь в вагончике, а вы на объект ходите, оглядите все! Может, где что переломало ветром, ведь штормовое предупреждение было.

Монгол качал головой: он-то знал, что никакой ураган так не страшен, как пьяный Балуй:

– Зачем ты ворота сломал железные? Рукой – на! И набок уронил!

– Пока ты языком молол, дура сельская, я их уже сходил, починил.

После тяжёлой штормовой пятницы, наведя порядок в вагончике и на территории, остатки нашей бригады расходились по домам. Стоял солнечный субботний день.

ДАНИЛЕВСКИЙ, МИСИМА И ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Однажды, будучи в Доме книги, мы с Натальей обратили внимание на невзрачное объявление, прикрепленное к витрине: «В пятницу в 18-30 на пятой линии Васильевского острова состоится вечер поэзии Николая Рубцова. Приглашаются все желающие». В этот вечер мы отправились на Васильевский остров, на Пятую линию, по указанному адресу. В одном из институтов (к сожалению, не помню, в каком) собрались почитатели творчества Николая Рубцова. В целом замечательное мероприятие. За исключением двух выступлений. Пожилой старичок громко декламировал свои весьма посредственные стихи, используя лексику подворотни. Запомнилось словцо из его стиха: «блевотные». Для чего люди приносят свои стихи на вечера известных поэтов? Чтобы была отчётливее видна разница между талантливым и бездарным? Второй – молодой бард по фамилии Дождь «проры-

чал» в «стиле Джигурды» одно из напевных и светлых стихов Рубцова. Песни не получилось. Но следом чудесно выступил семейный дуэт, исполнив под гитару красивую и лиричную песню на стихи Николая Михайловича! Парень родом из Рязани, открытый, улыбочивый, и влюблённая в него жена. Сколько чувства было в их исполнении! Когда окончился концерт, мы подошли к ним, чтобы сказать несколько тёплых слов об их выступлении. Они оказались очень открытыми и общительными людьми. Мы познакомились, разговорились, приятно общаясь дошли вместе до метро. Расставаясь, обменялись телефонами, договорились увидеться вновь. Но дальнейших встреч, к сожалению, не получилось. А память об этих милых, обаятельных людях осталась и доныне.

Как обычно, когда уезжала Наталья в Выборг, я обходил торопливым шагом все знакомые мне книжные магазины. Большой удачей для меня было купить книгу Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа». Ближайшую неделю всё моё свободное время было занято чтением этой забытой книги. Я делал пометки карандашом на полях: «...под влиянием толчка, сообщённого Петром, самое понятие об истинно русском до того исказилось, что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало».

Мы расстались с Натальей на целых две недели. За это время выпал снег, наступили холода. Электронагреватель почти не отключался. Крыса так же хозяйничала в соседней половине вагончика. На ночь я запускал к себе старого добродушного пса Барсика с понимающими умными глазами. Вечерами он был моим единственным собеседником. Я зачитывал вслух понравившиеся мне места из Юкио Мисимы: «Из рукава кимоно целомудренно выглядывала кисть руки, державшей веер; изящно расставленные пальцы напоминали нежные лепестки луноцветы».

– Чудесно! Не правда ли, Барсик? – пёс поднимал голову, одобрительно вилял хвостом и снова укладывался на полу возле сундука.

Время подходило к полуночи, нужно было ложиться спать, но совсем не хотелось расставаться с книгой: «Ослепительная белизна живота в приглушённом свете лампы напоминала налитое в широкое блюдо молоко; посредине темнела крошечная впадинка, словно след от дождевой капли».

Прочитав возле книжного магазина объявление о том, что в ближайшую пятницу состоится выступление современных поэтов, я позвонил по указанному телефону и был устно приглашён на вечер. Название было многообещающим, что-то вроде «Общества (или студии) русских поэтов». Отработав рабочую смену, отмыв руки от въевшейся в них грязи, я переоделся во все чистое и помчался в метро на встречу с братьями поэтами.

Небольшой зал больше напоминал столовую. По краям стояло несколько длинных столов. По правую руку разместилась хозяйка вечера вместе со своей «свитой». Молодая, красивая. Говорили, что она в юные годы снялась в известном кинофильме. Её окружали несколько представительных мужчин. Один был копией философа Владимира Соловьёва, с многодумным взглядом, заросший такой же бородой и усами. Рядом с ними – щекастый новоиспечённый дворянин. На их столе стояли водка, вино и различные закуски. Я сидел в середине, за пустым столом, вместе с супружеской парой: мужчине было около сорока лет. Слева от нас – человек восемь (большинство – женщины), за отдельным столом – члены студии поэзии «Надежда».

Хозяйка задавали тон, выступали со стихами, разливали себе по бокалам и пили, изрядно закусывая. У молодого «дворянина» в руках была видеокамера, которая фиксировала то, что нужно было хозяйке. Поэтесса-хозяйка очень уверенно про-

читала свои стихи. За давностью лет я не могу припомнить ни одной её строки. Псевдо-Соловьёв и псевдодворянин солидно хлопали в ладоши. Наливали и угощали друг друга. Глядя на их пиршество, запасливая супружеская пара из глубины женской сумочки вытащила бутылочку красного вина. Угостили и меня.

Выступала студия «Надежда». Читали стихи разного уровня, непосредственные и серьёзные, чётко следуя классической традиции. Без пафоса и позы, очень хорошие ребята. Им снисходительно хлопали сидящие за главным столиком хозяева вечера.

Немного выпив, пошёл «в бой» мой сосед. Запомнилась вычурная, сразу въезжая в память строка о женщине: «Чтоб скрежетала, как трамвай».

Наступил мой черёд. Следовало, по заведённой здесь традиции, представиться. Что я мог сказать о себе? Что я питерский бомж, живу в вагончике? Представился по последнему адресу: Рудный Алтай, город Усть-Каменогорск, представляю студию поэзии «Устье». Прочитал коротенькое стихотворение.

Я тебя замучаю
Нежностью своей,
Розой будь колючею,
Я – росой твоей.

Будь огромной ёлкой,
В зелени ветвей,
Буду я иголкой
Колкою твоей.

Ивой будь плакучею,
Я – у ног ручей.
Я тебя замучаю
Верностью своей.

Снисходительно похлопали из-за стола хозяйки. Очень тепло отозвались женщины со студии «Надежда» и взяли моё стихотворение на память. Вечер подходил к концу. Молодой упитанный паренёк, представившийся всем «дворянином», дошёл до нужной кондиции и едва стоял на ногах – «разлюли малина». Видеокамеру он уже не в силах был держать, тем более записывать на неё. Попрощавшись, я отправился в обратный путь, на другой край города.

От станции метро «Электросила» до нашей стройки нужно идти минут пятнадцать бодрым шагом. Но я не тороплюсь – меня никто там не ждёт. Тоскливо на душе. В голове «вызревают слова», и в такт неторопливому шагу появляются строки. Я люблю эти моменты, когда ощущаю рядом лёгкое дыхание Музы. Сюжеты приходят из жизни – и этот вагончик, и моя ещё не изношенная дембельская шинель, и носившееся в воздухе приближение чеченской войны 1995 года, и чувства, и, конечно же, моя Наталья! Ей я посвятил своё стихотворение.

Мы, слушая вьюгу, в вагончике будем сидеть.
Луна, выплывая из туч, засверкает форелью,
Запутавшись в вечную светлую звёздную сеть.
Я ноги тебе, словно шалью, укурю шинелью.

Шинель не сносилась, и все говорят о войне.
Мы скоро привыкнем к далёким тяжёлым раскатам.

Я чувствую сам: моё чувство сильнее вдвойне
В последнее время к тебе и к прощальным закатам.

Не плачь, дорогая, давай лучше песню споём
И в церкви назавтра поставим за здоровье свечи.
Сегодня тебе горячо расскажу я о том,
Что светло люблю, что, как розы, нежны твои плечи.

И в прорубь окна, словно в вечность, мы будем глядеть,
Луна, выплывая из туч, засверкает форелью,
Запутавшись в вечную светлую звёздную сеть.
Я руки согрею тебе и укрою шинелью.

В темноте, на ощупь открываю замок на входных воротах. Старый пёс Барсик встречает меня знакомым лаем. С ним Найда, с месяц назад прибудившаяся к нашему участку сука, уже успевшая оценить где-то в трубах. Поскуливает, голодная, ждёт какой-нибудь еды. Сторож Витя из соседнего вагончика спит беспробудным мертвецким сном. Включаю прожектор, чтобы убедиться, что всё на местах, угощаю собак хлебом и остатками супа: уж чем богат! Ставлю греть чай, чтобы утолить голод, а то я, как собака Павлова, изошёл слюной на званом вечере, когда «дворяне» на наших глазах поедали деликатесы. После чая я буду бродить по участку в сопровождении верных собак и бормотать себе под нос строки уже почти сложившегося стихотворения, пока музыка окончательно не угаснет в утомившемся мозгу.

Самым большим открытием для меня в этот период жизни был Георгий Иванов. Его трёхтомник в суперобложке вместе с шестью томами Ильина находились в одной из сумок, подвешенных к потолку, подальше от досужих мышей. Моя необычная «висячая» библиотека потихоньку росла. Приезжала Наталья, и я зачитывал ей что-нибудь новенькое из приобретённых книг. Иванов лёг на душу с первой строки.

Не о любви прошу, не о весне пою,
Но только ты одна послушай песнь мою.

И разве мог бы я, о, посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума.

Обыкновенный день, обыкновенный сад,
Но почему кругом колокола звонят,

И соловьи поют, и на снегу цветы,
О, почему, ответь, или не знаешь ты?

И разве мог бы я, о, посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума!

Не говорю – поверь, не говорю – услышь,
Но знаю: ты сейчас на тот же снег глядишь,

И за плечом твоим глядит любовь моя
На этот снежный рай, в котором ты и я.

НОВЫЙ КРАНОВЩИК И СТАРЫЕ СТРОИТЕЛИ

Вскоре вместо Хрущёва пришёл новый крановщик. Звали его Николаем. Огромного роста – один метр девяносто восемь сантиметров. Добрейшей души человек. Родом из Костромы. Когда он сидел в кабине крана, умилительно было смотреть на то, как этот богатырь с увлечённым счастливым лицом работает рычагами, словно ребёнок, играющий с машинкой.

У механизаторов ожидалась перемена: дядя Саша Баламут на днях справлял свой день рождения и должен был уйти на пенсию. С утра он корячил по участку бочку с соляжкой, затем пустил её в ров, где неподалёку стоял экскаваторщик Гена, который отличался известной остротой языка и не преминул напоследок «поддеть» товарища по работе:

– Ты это на кого бочку катишь?

– Ха-ха-ха! – раздался дружный хохот в котловане.

На прощание Баламут устроил застолье для механизаторов. Новый крановщик совсем не пил. Это был второй совершенно не пьющий человек на нашей стройке. Первым был электрик Коля. На место Саньки Баламута пришёл уволившийся из армии офицер. Наверное, бывший танкист, потому что легко умел водить транспорт и работать на тракторе. Всем представился как Федя. На Фёдора он действительно не тянул. Мелкорослый, невзрачный, бесхарактерный, быстро спивающийся человек. В ельцинское время армия находилась в отчаянном положении. Много достойных и порядочных людей выбросило тогда на улицу с военной службы. В отличие от тракториста Феди, мой зять, Миша, тоже демобилизовавшийся из армии в те годы, нашёл себя и смог хорошо устроиться «на гражданке». Целый день он пропадал на работе, а ночами чертил бесконечные проекты, оставляя на сон всего несколько часов. Я иногда ночевал у сестры и видел, как Михаил, уединившись в кухне, занимался проектированием. Утром мы вместе поднимались и шли на работу. Настоящая офицерская закалка! У Феди всего этого не было. Его можно было только по-человечески пожалеть.

Однажды утром, после заправки соляжкой, Федя погнал трактор в котлован. Нужно было объехать его по периметру. Я стоял возле насоса, который откачивал воду. В округе ещё не было ни одной живой души, в нашей бригаде передевались и пили утренний чай. Издалека я заметил, что трактор наискось приближается к самому краю, а тракторист, склонив голову на руки, спал. Я стал кричать, чтобы его разбудить. Очень трудно перекричать работающий дизельный двигатель! Наступал неотвратимый момент, нужно было что-то мгновенно предпринимать. Я схватил замёрзший кусок грязи и метнул его в боковое стекло. Трактор уже сбил красные флажки, ограждавшие котлован, и остановился. Половина гусеницы зависла на краю, над самым высоким местом. Внизу стояли бетонные стаканы. Проснувшийся тракторист сдал назад, поправил флажки и поехал дальше. А на следующий день утром Федя подошёл ко мне и подал свою шуплую, похожую на подлещика, руку, поблагодарив за то, что я остановил его на краю ямы.

Малыша целую неделю не было. Сказали, что он учится на каких-то курсах. Балуй заметно скучал без своего друга. По-дружески «подкалывал» Монгола, тому с Малышом всё-таки легче было отбиваться от весёлых козней своего настырного товарища. Во время обеда Балуй припомнил, как его отправили на военную переподготовку на один месяц. В народе окрестили эту службу – «в партизаны».

– Привезли меня в морфлот. Тут, говорят, будешь партизанить. А я ему говорю, что я сухопутный, а не моряк. А он мне говорит в ответ: «Был сухопутный, станешь морским». Ладно, думаю, ну и бог с вами, мне всё равно, где спать!» Дали

мне форму, бескозырку с ленточками. А я и не знаю, как они завязываются: взял узлом на шее завязал, вместо «треугольника», или как там у них называется... Ну, в общем, на флоте я тоже, можно сказать, служил...

Бригадир Витя Кайгородцев вспоминал, что, когда служил в армии на Курилах, ему довелось видеть китов:

– А китовый ус, он с руку толщиной. И зеленоватый, как малахит.

Тут же поддержал разговор Монгол, ведь он родом с Поморья:

– У меня отец привозил с моря этот китовый ус. Он волокнистый такой, ведь через него он вдыхает планктон, и он не один у кита ус, их целый ряд...

Балуи не удержался, вставил своё слово, хоть никогда и не видел китового уса:

– Да, как у человека зубов, в общем...

Чинно и благородно протекала эта неделя, без загулов и происшествий. Правда, Монгол, отбившись от коллектива, умудрился прийти из конторы, куда его направили по делу, пьяным в дугу. Он лежал на лавочке, когда бригада зашла после рабочего дня, чтобы переодеться.

Бригадир окликнул лежащего посреди помещения Монгола:

– Эй! Семён, вставай!

Тот пробормотал что-то невразумительное, едва ворочая языком. Витя предложил Балуи взять Монгола в пакет.

– Боюсь, что ручки не выдержат, – посмеялся Володя Балуи. – Пусть отлёжится до ночи. Серёнке передадим это добро под роспись, чтоб никто не украл, а то позарится ещё кто-нибудь...

Честно отучившись целую неделю, на стройку вернулся Витя Малыш. Лапал, мял медвежьими руками своего ершистого друга Володю Балуева. Тот тоже кряхтел, пытаясь оторвать от земли своего огромного товарища. Тут же учинил ему прилюдный допрос с пристрастием.

– И где же ты пропадал, голова беззубая?

– Учился на кран.

– Даже так! Ого, куда скакнул!

Действо только начиналось. Балуи стал экзаменовать Малыша:

– Расскажи нам, товарищ, как сдвинуть кран?

– Существует два вида кранов – трубчатый и мёртвый... Трубчатый – менее устойчивый – парусность у него большая, стрела – вон какая!

– Витька Белов с трубчатого ведь упал? – вставил наводящий вопрос бригадир Кайгородцев.

Балуи не унимался:

– Упасть-то можно с любого, даже с трактора! Ты мне толком-то расскажи, как кран сдвинуть?

– Это, Володя, мы не проходили, – оправдывался Малыш.

– Ты мне на музоль не дави. Рассказывает, будто он институт там закончил или больше ещё что закончил, дура ты сельская. К моей жене поедешь блочки изучать, она же у меня крановщица.

Володя радостно потирал руки, что ему всё-таки удалось припереть к стенке Малыша, но этого ему было мало:

– Ты лучше скажи, как этот блочок называется, что под сорок пять градусов идёт?

– Ролик, – неуверенно ответил Витя Малыш.

– Эх, ты! Ролик... Сам ты ролик!

– Ну, хорош, грамотеи! Пошли работать, – скомандовал бригадир, и мы пошли из тёплого вагончика на улицу.

Вскоре привезли бетон, и мы заливали две опалубки в конце котлована. Костромич Николай всегда подходил к работе с полной отдачей. Даже кран, казалось, стал работать послушнее. В то утро Николай быстро поднимал стрелой «кублу» и доставлял её в то место, куда указывал бригадир. В бригаде ещё не забыли последней «клоунады» Хрущёва, и поэтому новый крановщик сразу же приобрёл всеобщее уважение. Как-то мы с ним разговорились в ожидании машины с бетоном. Оказалось, что Николаю тридцать девять лет. Несмотря на то что он прожил много лет в Ленинграде, Николай не утратил характерного костромского говора.

– Вчера домой приезжаю, а жана с дочкой поссорились. По углам сидят – плачат. Гляжу, такое дело, я молча ложусь спать. Жана ко мне: «Что ты с дочерью не поговоришь? Всё я её одна воспитываю». А что я ей скажу? Оказывается, доча на пятёрки закончила сяместр, а мать яе на улицу гулять ня пустила. А ей уже 16 лет. Дочка говорит, что другим вот обещают разное за пятёрки, одной – машину купят, другой – шубу, а мне... Тут я ей и говорю: «Ну, у тебя задвижки буржуазные! Ты для кого учишься? Для меня? Для себя!»

Я думаю, что не сильно дочка напугалась отца своего, он злиться-то толком не умеет, этот добродушный богатырь.

Интересно было слышать от него лестные слова в адрес своей любимой жены, особенно о том, как он попал под её воспитание:

– Подруги моей дочки рожают уже, а яе держит мать, то есть жана моя. Она воспитательница хорошая. Говорит дочери, что убьёт яе, если та гулять начнёт. Да и меня вон выучила – ня пью, ня курю даже. Да яще жалудок прихватило, пришлось бросить выпявку. А так бы, чо ня побаловаться-то? Побаловаться-то можно.

Непосредственный, простой деревенский человек. Как говорится, звёзд с неба не хватал... А на что они ему? Они ему даром не нужны, он и так рад ниспосланной ему доле.

– Жана у меня хорошая, душевная. Я от няе и по девкам ня бегал, была б нужда. Был, правда, за мной гряшок: за всю жизнь только раз стукнул жану. А так, не... Она у мяня безголосая, ну, в том плане, что петь ня умеет. А песни русские, как ня петь, пою и я. Отец пел мой, да как хорошо! И на баяне играл, и на гармонии. Посылали и мяня учиться – ня поехал. А мне балалайку матушка подарила яще в классе пятом. Я так рад был. Только выучился играть, песни чатыре уже знал... На одной из гулянок бабы напялись, да одна, толстозадая, села на няе и раздавила. Я пярживал за балалайку свою. Потом на гятаре научился играть, да и петь могу. А жана у меня ня мастерица на эти дела, хотя поучаствовать может. Да и как здесь, в городе, попеть-то? Не с кем. А одному – ня то!

АВВАКУМ, СТРИНДБЕРГ, РЫБАКОВ

Два рабочих дня мы помогали переезжать нашему начальнику Серёге Трубачеву на новую квартиру. Этот переезд нам надолго запомнился. В первый день не работал лифт, и мы с пятого этажа носили вещи вниз, грузили в машину и перевозили в соседний микрорайон. В новом доме Трубачевы поселились на девятом этаже, где лифт в первый день работал. Зато на второй день картина поменялась: с пятого этажа спускали вниз на лифте, а на девятый заносили вручную – лифт уже перестал работать. Устали неопишимо. Долг платежом красен – Сергей Владимирович не раз нас выручал и не раз ещё выручит. Мы уже сидели за хлебосольным столом начальника, когда в разговоре выяснилось, что машина пошла на Псковщину. Му-золь, что был родом из тех мест, сидел с изумлённым лицом.

– А куда, в какую деревню поехала? – наивно спрашивал он.

Балу́й таких случаев не упускал и тут же поставил «капкан» на свою наивную жертву.

– А ты с какой деревни, Евгений?

– Я-то? С Ивановки я...

– Надо же! Именно в Ивановку он и поехал! Водитель так и сказал Малышу: «Отсюда еду напрямиком на Ивановку!»

Малыш принял игру и подтвердил реплику своего закадычного друга. Музыла расстроился, вопросительно оглядел собравшиеся за столом серьёзные лица людей, готовых взорваться смехом. Я не выдержал и засмеялся. Вслед за мной – и другие.

Наконец-то, поняв, что его разыгрывают, расхохотался и сам Женя, покачивая указательным кривым пальцем в сторону Балуя:

– Ай да Володя! В который раз меня на мякине провёл...

После тяжёлого рабочего дня весёлый смех снимает напряжение. И плохо, если не найдётся в бригаде такого вот Балуева Володи, острослова и мастера розыгрышей.

До зарплаты оставалось несколько дней, Малыш намекал Балу́ю, что пора бы и «расслабиться». За вагончиком уже скопилась приличная горка пустой тары. Это был запас на «чёрный день». Собрали несколько мешков бутылок, упросили водителя «Урала», что недавно был приписан к нашему участку, увезти к пункту приёма стеклотары.

После обеда пьяный бугор (бригадир) рассказывал о сыне:

– Он у меня занимается каратэ, как оно там называется – «кельмондо», что ли?

– Тэквондо, – поправил его Монгол.

Но Кайгородцев не унимался, пьяно махал руками:

– Так вот и так он делает. Кья! – пытался лягнуть ногой, но стал падать. И если бы не Балу́й с Монголом, вовремя подхватившие под руки бригадира, то он бы рухнул в проходе вагончика.

– Эй, ты, Дам чёртов, пошли работать! – взяли того под руки и вывели на улицу. Хотели застегнуть ему рабочую куртку, но тот упирался, говорил, что ему и так жарко.

В этот день по плану нам нужно было поставить в стаканы двенадцатиметровые сваи. Кроме бригадира эту ответственную работу в нашей бригаде никто не мог сделать. А Витя был в стельку пьян. И отложить «на потом» эту работу нельзя было – план подгонял. Дело в том, что, получив последнюю зарплату, мужики сильно расстроились – никакой индексации на инфляцию не дали, те же гроши, а цены на продукты росли. Бригадира Кайгородцева советом бригады отправили в контору – разобраться относительно зарплаты. Один Монгол говорил, что это пустая затея. Витя спорил полдня, отстаивая наши интересы. Трубачев здесь помочь не мог. Высшее начальство, умело оперируя цифрами, забило ему голову так, что он вернулся на участок совсем потеряннм: «Оказывается, мы не зарабатываем и тех денег, что нам платят. За эти деньги по смете положено делать в два раза больше работы!» Не силен был наш орденосец в подсчётах и бумажных делах. Со следующего дня мы про перекуры забыли. Бетон везли и везли, мы едва успевали его заливать в опалубки. Работали без разгиба, на износ. Кто-то вспомнил о худших временах, когда бригадиром был Володя Балуев.

– Зря мы разворотили этот осинник, – бурчал Монгол. – Я же вам говорил, что из этой затеи ничего путного не выйдет! Я этих конторских крыс знаю как облупленных!

Поэтому в тот день нам нужно было воткнуть сваи на свои места во что бы то ни стало. Кайгородцева с двух сторон поддерживали Балу́й и Монгол, а Витя

«стрелял» пьяным глазом, когда Костромич Коля подносил стрелой сваю к нужному стакану. Малыш расклинивал, забивая кувалдой деревянный клин между сваей и внутренним краем стакана. На эту картину было жутко смотреть: бригадир едва стоял на ногах. Я подошёл к Балую, который выглядел наименее пьяным из всей бригады, и попытался вставить своё «трезвое» слово: «Послушай, Володя, бугор не в состоянии... Мы сейчас натворим дел!» Бригадир, естественно, всё это слышал, посмотрел на меня затуманенными глазами и рассмеялся так весело, словно я рассказал интересный анекдот. Просмеявшись, он сосредоточился подтянул за воротник попавшегося ему под руку Монгола: «Эй, Семён, держите меня крепче!» Мужики «расклинили» с двух сторон бригадира, и тот продолжил руководить процессом работы: «Чуть-чуть правее, ещё, ещё маленько... Расклинивай!» Володя Балуй свободной рукой махнул мне, подзывая. Шёпотом, чтобы не слышал Кайгородцев, прохрипел: «Он, пьяный, «стреляет» ещё лучше, чем трезвый! Снайпер своего дела. Ты его хоть за ноги подвесь здесь, он сделает это не хуже Марка Шведера (маркшейдера). Завтра сам увидишь! Иди лучше Малышу помоги расклинивать». Я сменил Малыша на расклинивании. С этого ракурса забавно смотрелась эта подвыпившая троица, где посерединке стоял расхристанный, с прищуренным глазом, дающий указания бугор. После уверенных слов Балую я почему-то успокоился и спокойно занимался своим делом.

С утра приехал на участок маркшейдер и стал теодолитом делать промер свай. Сказал что-то бригадиру и уехал.

Балуй подошёл ко мне, улыбаясь:

– Ну, что я, Серёнька, тебе вчера говорил. Идеальная работа! Марк Шведер сам сейчас сказал. Сегодня зальём бетоном сваи в стаканах, на днях покроем гудроном и всё. Работа готова.

В субботу я собрал на участке бутылки и в несколько ходок унёс в пункт приёма стеклотары. В этом месте у меня всегда возникало брезгливое, тошнотворное чувство. Винный запах, постоянная очередь. Некоторые лица уже примелькались здесь. Назойливая склочная женщина со вздёрнутым носиком, стоящая в очереди впереди меня, оправдывается: «Я вот хочу билет купить, на концерт сходить. Вот и пришла сдавать бутылки». Она повернулась и в упор рассмотрела меня. Широколица, прилично одета, со шляпой, спущенной до самых глаз. Мне нет никакого дела до её бутылок и куда она хочет израсходовать вырученные за них гроши. Скорее всего, она здесь редкий гость и потому чувствует себя неудобно, как и я. Правда, я помогал своим товарищам по бригаде приносить сюда бутылки. Я хочу купить нужную мне книгу. А тот старик, может, на кусок хлеба хочет наскрести денег. За мной стоит небритый парень в простой куртешке, в вельветовых штанах, чёрно-красной летней кепке. Он громко разговаривает, видно, завсегда так таких мест и знает цены на бутылки во всех ближайших приёмных пунктах. Интеллигентному старику в скромном одеянии дали круглую сумму, но у него не нашлось пятнадцати рублей сдачи, которые его попросили занести. Я ещё не успел дойти до окна, как появился этот старичок. В левой руке у него были небольшие пакеты с гречкой и горохом. В правой он нёс сто рублей. Но и на этот раз у них не нашлось сдачи. Он опечалился и пошёл к выходу.

Я окликнул его:

– Отец, я за вас отдам.

Но старик, приостановившись на мгновение, пошёл дальше. Я так и не понял, услышал он меня или нет. Когда подошла моя очередь, я попросил высчитать с меня пятнадцать рублей за старика. За спиной услышал голос мужчины:

– А ведь дед всё равно принесёт эти пятнадцать рублей и отдаст.

Я уходил, слыша, как в толпе говорят про этого деда. Небритый парень в чёрно-красной кепке говорил, что любит таких честных людей, ведь другой бы на его месте ушёл.

Выручив нужную мне сумму денег, я помчался в книжный магазин и купил книгу «Язычество древних славян» Рыбакова. В Доме книги приобрёл «Житие протопопы Аввакума». В букинистическом магазине – двухтомник Августа Стриндберга. Радостный, возвращался я домой, нисколько не жалея о том, что утром пришлось для этого провести время в очереди в приёмном пункте стеклотары.

Вечер и большую часть ночи я сидел и читал под ночником с приглушённым светом «Слово безумца в свою защиту»: «Одиночество созвучно мнимой смерти природы, но порой нет сил его терпеть. Я тоскую по людям, но в уединении сделался так чувствителен, словно душа осталась совсем без кожи, и так избалован привычкой быть хозяином своих мыслей и чувств, что едва выношу соприкосновение с другим человеком...» Во мне откликалось похожее и в то же время противоречивое чувство. Одиночество способствует созреванию мыслей. Но лично я с трудом переношу два дня, проведённых без людей в своём вагончике. Когда я размышлял на эту тему, тревожным лаем зашлась Найда на дальнем участке котлована. Я включил прожектор и выпустил из вагончика Барсика, который тут же, подняв холку и распушив лохматый хвост, помчался в темноту. На улице был морозец. Издалека я увидел свет фонаря, исходящий из-под «Урала». Не похоже было, что это вор: слишком неторопливо он двигался, к тому же, не выключая фонаря.

Я быстрым шагом подошёл к машине, из-под которой раздался знакомый голос:

– Привет, Серёга! Не хотел тебя будить.

– Привет, Николай! А я и не сплю. Что случилось?

– Домой пришёл, а вспомнить не могу, слил я воду с радиатора или не слил?

Оказывается, слил, так что зря я ехал с той стороны Невы целых полтора часа.

Он вылез из-под машины. Невысокого роста, в очках, с улыбкой на лице. Когда я его пошёл провожать до ворот, собаки с лаем побежали в ночь. В замёрзшей колее от машины бежала крыса. Барсик схватил её зубами, она противно запищала. Вместе с крысой в зубах он убежал в темноту.

Несколько вечеров я читал близкого моему сердцу Аввакума. Живой, неумирающий, неподдельный русский язык у него: «...мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде-су посреде волков, яко овечка, или посреде псов яко заец, всяко перебиваеься о Христе Иусе. Но грызутся еретики, что собаки, а без божьи воли проглотить не могут...»

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-РУССКИ

– Вечно ты, Малыш, с дурной руки лупишь... И как тебя отучить? – задает Балуй своего друга, который работает левой рукой.

– А зачем меня отучивать? Мне и левой быть не плохо. Я и соску левой рукой держал, как сейчас помню.

– Ну, соску-то оно понятно... Вот как кувалду держать левой рукой? Это мне не понятно.

Они решили сделать перекур, сели на бетонный стакан, подперев колонну могучими спинами. Малыш всё рассказывал о здоровяках. Видимо, он себя самого таковым не считал. Да с глубокого похмелья не то ещё языком намолотишь. Уже, наверное, в пятый раз он спрашивает у меня одно и то же: «А кем тебе приходится Миша-инженер?» В пятый раз отвечаю: «Зятем. Зятьком». Малыш, раскрыв в улыбке беззубый рот, произносит: «А-а! Да-да, у нас тоже зятьком зовут, а в

здешних краях такой человек зовётся мужем сестры». К нам, едва передвигая ноги, подошёл Монгол. У него лоснились чем-то смазанные обветренные губы, которые стали ещё меньше.

Балуи, глянув на него, тут же расхохотался:

– Ты их солидолом, что ли, смазал?

– Ага! Тут же ниче больше не найдёшь, – едва ворочая губами, проворчал Монгол.

– Это ты в огонь плевал или на ветер, не иначе! Не будешь плевать, – успокоил его, как мог, Балуи. – Ты ж злощий, как гюрза, вот своим ядом себя и подпалил. Слюна у тебя ядовитая. А губы, как бритвы, стали у тебя, это от злобы.

Монгол терпеливо молчал. Зато Малыш, обрадовавшись своей мысли, не сказал, а пьяно прохохотал:

– Да ты их гво-здя-ми прибай.

– Точно! – подхватил речь товарища Балуи. – Малыш с дурной руки лупит только так. Пусть он тебе губы поправит. Он у нас мастер! Блоху подкуёт, а не то что...

Вчера, в четверг, давали зарплату. Моя зарплата бетонщика вместе со сторожевыми – сто десять долларов. Народ, как водится, разгулялся с получки. Вечером необычно рано потух свет в вагончике строителей. Я услышал в темноте громкий разговор. Прихватив с собой нунчаки, я пошёл на звук голосов, чтобы вспугнуть грабителей. По высокому силуэту и маленькому, коренастому я узнал Володю Балуи и Витю Малыша. Это была их обычная житейская беседа, и потому тревожить их я не стал. И вот сегодня на работе, когда они дружески посмеивались друг над другом, я у них спросил, а видали ли они меня вчера вечером? Они переглянулись: нет, не видели! Главное, что я их заметил, ведь я сторож.

Уже почти две недели я не видел своей супруги. Заметив грусть в моих глазах, мой старший сердобольный товарищ Володя Балуев, проникшись сочувствием к моей горькой судьбинушке, уговаривал меня:

– Серёнька, езжай-ка ты к жене, бросай все!

– А что я скажу о работе?

– Жене скажешь, что кран украли, – он, как всегда, остроумен: какой дурак мог позариться на этого железного жирафа! Были ещё и напутствия: – А крысу свою прикорми, живое существо как-никак. Скажешь своей жене так: «Сижу я, значит, сижу. Вдруг в окно кто-то стучит. Выхожу, а там – крыса... Ха-ха-ха».

Досужая крыса из соседней половины нашего вагончика лазала везде, только ещё к стеклу не умела забираться. Наглое, умное, живучее существо. Охота на неё – дело пустое. На нашей стройке их бегали десятки. Сколько раз я метал в них камни. Крыса резко останавливалась, камень, метко брошенный на опережение, взрывал землю перед самым её носом, и она спокойно бежала дальше. Стоило мне зажать крысу на полке в углу вагончика, как она с писком бросилась в атаку на меня, но не допрыгнула. Я даже растерялся на мгновение, которого ей хватило, чтобы юркнуть в дыру. Только собаки с нашей стройки могли догнать их на пустыре и вылавливали их по несколько штук в день.

Я решил в пятницу после работы уехать к Наталье в Выборг. К тому же намечалась дальнейшая пирушка в вагончике строителей, что могло растянуться на сутки-другие. Я созвонился со сторожем Лёшей, который иногда меня менял, и договорился о подмене на двое суток.

Сторож Витя из соседнего вагончика, который охранял площадку над котлованом, где лежали объёмные трубы с изоляцией, большую часть смены обычно спал. Этот мужик лет сорока, отсидевший в тюрьме много лет, имел свой устоявшийся взгляд на жизнь. По-своему рассуждал он и о женщинах:

– Чем старше становлюсь, тем мне проще с ними общаться. Они ж чувствуют, как звери крепкого самца, кто такой перед ними. Порой только взглянешь или скажешь что-то, а она уже твоя.

Самоуверенным был Витя. И женщины, видимо, попадались ему соответственные, готовые тут же растаять от одного его взгляда или слова. Была когда-то у него семья, любимая женщина. Был и он счастлив. Только не смог сберечь всего этого. Была хорошая работа, и «блат» имел. И хорошую квартиру обставил, как хотел, «для души». Но в один день он ушёл из семьи, оставив квартиру жене и дочери. Стал скитаться по городу, «как бомж», от одной женщины к другой и понял одну истину:

– Мне не нужны эти лёгкие дешёвые победы, эти десятки женщин. Женщина должна быть одна. И когда с ней проживёшь жизнь и расстаёшься, это всё равно, что порвать себя пополам: взять за ногу и вверх порвать на две части: одна часть – ты, другая – она. Так сростаются грибы или деревья: ствол один и на две стороны, или грибы – из одной сумочки растущие. Когда любишь, ты обо всём забываешь – пелена на глазах, ты полмира не видишь! Когда пелена спадает, то уже видишь, где грязь, а где истина, вот здесь было так, а здесь так. Где было правильно, а где – нет. А что мне теперь эти женщины? Отвращение одно. Утром встанешь: хоть она ласкает тебя, хоть плачет на твоей груди – её жалко и всё, а любви нет! Есть жалость, а любви нет. Я женщин поделил на три типа, к которым можно относиться по-разному: первая – любимая женщина, вторая – для обычного спортивного интереса, к третьей отношусь, как к врагу. Вторая – это обычная физиология, от женщины можешь сразу приступить к водным процедурам. Третья – это для разгрузки, она как бы отвечает за всех твоих женщин, что были раньше, с которыми у тебя не вышло, не сложилось, с которыми тебя развела судьба. А первая – это самая главная, и самая верная, и самая ценная – любимая женщина. Когда любишь – это словно сросшиеся грибы или деревья...

Вот такой философ со мной на пару нёс сторожевую вахту в соседнем вагончике. Иногда он уходил в город к какой-нибудь очередной женщине, но большую часть времени проводил на работе. Был он несменяемым сторожем. И когда кому-то из нас требовалось на время покинуть объект, оставшийся на участке сторож приглядывал и за чужим участком тоже.

Сторож Лёша, который принял объект на время моей поездки, как я понял, в вагончике в эти дни не ночевал. Он на ночь ушёл домой. Вероятно, он всегда так «охранял» наш объект. Этот Лёша был невысокого роста, чернявый, мрачноватый, вечно проклинающий болотину и сырой питерский климат. Он когда-то жил в деревне и потому любил родное «золотое кольцо России». Алексей с удовольствием рассказывал о своих односельчанах.

Любимые герои его были все как на подбор большие и добрые. Одного звали Матвеем. Спал он всегда возле окна. Зная это, деревенские парни решили подшутить над ним. Проходя мимо его дома, они стали кричать во все горло возле его окна: «Матвей, пожар!» Тот с перепугу онемел. Всю жизнь так и прожил немым. Добрый был такой, ко всем ласков был.

Другой рассказ Алексея был похожим на первый, но имел хороший конец:

– Девчонка в нашем селе испугалась грозы и онемела. А было это как раз после войны. Привезли к нам солдат, они строили мост. Одного звали Степаном, он был здоровенный такой, а добрый, как телёнок. Что не попросишь его, всё сделает. Молчит, улыбается и делает. Как-то заметил он эту немую девчонку, а она его, и полюбили друг друга с первого взгляда. Ей – восемнадцать лет было, а ему – двадцать два. Они понимали друг друга без слов. Сколько-то они подружились, а потом отдалась она ему на сеновале. Была она девственницей. Не то от боли, не то ещё от

чего – она вскрикнула и снова обрела речь. А мужики деревенские у Степана всё спрашивали, как ему удалось вылечить подругу? А он в ответ молчал и улыбался только. Вскоре они поженились, нарожали ребятишек целую охапку и зажили счастливо, всей деревне на зависть.

...Вечером я уже был в посёлке Советский, неподалёку от Выборга. Вернулся в воскресенье к ночи. За это время на стройке произошло чрезвычайное происшествие. В пятницу, вскоре после моего отъезда, на территорию заехали кран и грузовик и стали грузить трубы в кузов машины. Сторож Витя, как всегда, спал в своём вагончике. Бригада строителей гуляла в своём. Никому не было дела до погрузки труб. Грабители действовали нагло. И всё бы у них вышло, если бы не маленькая промашка...

Сторож Витя спал крепким сном. Он не слышал, как мимо его вагончика проехали кран и грузовик. Вскоре сквозь сон ему послышалось, будто кто-то в коридоре шевелит дверную ручку. Витя окликнул стоявшего за дверью человека: «Кто там?» В ответ – подозрительная тишина. Он подошёл к двери и попытался её открыть, но круглая дверная ручка была снаружи закручена проволокой. Это его взбесило, и он стал усиленно вырывать дверь. Дверную ручку он вырвал вместе с куском дверной фанеры. Снаружи кто-то держал дверь. Виктор заглянул в щель, оставшуюся от дверной ручки, и получил порцию слезоточивого газа прямо в лицо. Дверь открылась, на пороге стоял парень с пистолетом в руке. Резким ударом Витя выбил пистолет из руки грабителя, снёс того с ног и бросился убежать. Как рассказывал сам Витя, вслед ему кричали: «Стой, застрелю!» Он прыгал через лужи, слыша выстрелы за своей спиной. В общем, как в боевике. Добежав до института, что стоял через дорогу от нашей стройки, Витя вызвал милицию. Через несколько минут милиционеры были здесь. Кран и грузовик застали на месте преступления, но водители сказали, что их наняли на работу два неизвестных парня, которые к тому времени скрылись. У Вити оказалась сломанная рука: когда он выбивал пистолет, сильно ударил ею о ствол. Он ходил с загипсованной рукой, улыбался, чувствуя себя настоящим героем. Начальство обещало его наградить, но вскоре забыло о своём обещании.

ОБЪЕКТ НА УЛИЦЕ КОТОВСКОГО

После неудавшегося ограбления начальство стало требовательнее относиться к охране. На участок прислали завхоза Зуева. Тот ходил по территории с вечно озабоченным лицом, словно он был вестником наступающего конца света. Впереди нас ожидали новогодние выходные.

– За четыре дня всё уворуют! Всё до основания! Надо увезти куда-то бочку с соляжкой... Экскаваторы и кран посадить на цепь...

С умным видом Зуев подходил к экскаватору, что-то объяснял экскаваторщику Гене, при этом отколупывал пальцем краску с кабины. Гена скрипел зубами, но терпел. Балуй сразу же послал завхоза куда подальше. Нам он высказал своё мнение по поводу Зуева так: «Личность ошеломляющая! Не съездить ему по этой самой личности – быть сильнее себя. Неплохо было бы компенсацию молоком получать за Зуева». Вскоре завхоз исчез. И жизнь на стройке потекла по прежнему руслу.

Балуй, сидя в вагончике, рассказывал о разведчиках, которых вчера видел по телевизору. В этот момент на обед зашёл с улицы Женя Музоль и тут же встрял в разговор:

– Да это у нас, на Псковщине, готовят десантников, недалеко от меня. У! Как гоняют их! Там самый маленький с нашего Малыша будет.

– Надо Малыша на службу отправить от нашей бригады, – заключил Володя Балув.

Малыш поперхнулся, но промолчал. Обед, как всегда, проходил весело. Балуй рассказывал, как его возили на историческое место:

– Я был на Куликовской битве.

– Кто? Ты? – смеётся вся бригада. – А ты неплохо сохранился!

– Да, я! Ты не веришь мне? – обращается он к Малышу. Тот пугается его уверенности и напора.

– А какие там копыя или томагавки были?

– Всякие были. А мужики там маленькие такие были, раза в два меня меньше! Так Непрядва вся в крови была, в Дон впадала...

Малыш хотел поправить, что, может, в Оку впадала Непрядва?

– Какая тебе Ока, дура ты сельская, – тут же осадил друга Балуй. – А Дон там маленький, я в два прыжка перепрыгну!

Совсем недавно, девятого декабря, Володе Балуву исполнилось тридцать девять лет. После трудового дня пришлось работать в ночную смену – должны были подвезти бетон. Но машина так и не пришла. Всю ночь просидели строители в вагончике – «устали от домина». Под утро Балуй задремал прямо у окна. В ту ночь был морозец. Утром Балуй не мог головы от стекла оторвать – примёрз своими кустистыми бровями. Хорошо, что в вагончике были ножницы, Малыш срезал разломаченные брови своего друга, освободив его из плена.

На выходных Монгол, живущий с Балуем в одном доме, выше этажом, зашёл в гости к своему товарищу. Об этом он рассказал так: «Зашёл к нему, а он говорит: «У меня бутылочка есть». Сели с ним за стол, дочь старшая, неродная, подходит «Я есть хочу». Балуй ей говорит: «Садись, ешь. Тебе что, полстола не хватит?» Кулаком по столу – шашть! – все тарелки посыпались, а он кричит: «Я вас научу!» Когда он пьяный спит, все в доме ходят на цыпочках, чтобы – не дай бог! – не разбудить его. Гоняет всех, кроме своей родной дочки Катюши. Она одна его не боится. Он просит её, чтобы она включила магнитофон на всю катушку, а потом чтоб ему под подушку его положила. Один раз тёща заглянула, когда мы сидели за столом, так он на неё так зыркнул, что она выскочила оттуда и больше не показывалась. А Музоль живёт надо мной, выше этажом. Бывает, подтапливает меня. Бывает, тоже шумит, порядок дома наводит. Но он, по сравнению с Балуем, чистый ребёнок. Володя Балуй один раз целую неделю гулял. Пришёл домой и сразу кулаком по столу вдарил: «Почему в доме переставили мебель?!» Но мебель никто не трогал, просто он сам уже забыл, как она стояла до его ухода».

После Нового года объявили, что часть бригады переходит работать на другой участок – на улицу Котовского. Нужно было ломать, а потом перестраивать там часть здания. На этом участке оставались вместе с бригадиром Витей Кайгородцевым Балуй, Монгол и я. Малыш, Музоль и все остальные уходили на новый объект. В этот последний прощальный день в бригаде были проводы. Тяжело было расставаться с друзьями. Балуй был не так ершист и занозист, по-доброму опекал Малыша, напутствуя того добрым словом перед переходом на новое место. Добряк Музоль тоже был нам давно уже родным человеком. Расставаясь, пили они, горьмычные, стаканами. В девять вечера я зашёл проведать нашу компанию и увидел, что все спят по лавочкам, кто в обнимку, кто положив голову на ноги друга. Домой в этот вечер никто не пошёл. Я выключил свет и пошёл в свой вагончик.

Утром я поставил разогревать на костёр гудрон, сегодня нужно было красить бетонные стаканы. В вагончике строителей после бурных проводов тяжело поднимались ребята из нашей бригады. На своей старенькой иномарке приехал элек-

трик Коля. Его в предыдущий день на работе не было, поэтому он и не знал, что его перевели на другой объект. Малыш и Музоль уселись в иномарку и поехали к новому месту работы. Добродушный Музоль, видать, прослезился: тёр кулаком покрасневшие глаза. Хмельные, они ещё долго махали нам из окон и что-то кричали, но уже не разобрать было слов.

Щемящее чувство расставания легло тенью на всех оставшихся у нашего котлована. Молча носили мы расплавленный гудрон и покрывали им стаканы. В работе несколько притупилась печаль от утренней разлуки с друзьями. Невесело работалось в это утро, и разговоры соответствовали настроению. Монгол уговаривал Балую съездить домой, в Тулу, к матери, ведь лет шесть уже не был.

– А я посылку пошлю ей, клюквы отправлю...

– Нужна ей твоя клюква! Ты ей нужен, а не посылка. Вот у Катюшки будут каникулы, съезди домой на недельку, мать обрадуй.

Я всячески поддерживал Монгола. До обеда мы уговаривали Володю поехать к матери. И тот всё же согласился взять отпуск. Глянув на нас, он вдруг расхохотался задорно, как никогда.

Показывая пальцем на чёрное от копоти лицо Монгола, он сдался:

– Уговорили, черти полосатые! Поеду!

Мы, все с закопчёнными лицами, с грязными от гудрона руками, обнявшись вокруг сваи, смеялись так, словно нам в это утро открылась большая светлая тайна.

ВЕСТИ С УЛИЦЫ КОТОВСКОГО

Балуй, сидя за обеденным столом, признаётся:

– Почему я не хожу в Александро-Невскую лавру? Там столько нищих сидят... Косят под всех, скажем, без руки – значит, под афганца. Если каждому подавать, то целый мешок денег с собой брать надо...

Монгол побывал на улице Котовского, куда наши ушли работать, принёс оттуда неутешительные вести:

– Рушат стены. Там такая стоит пылища! Музоль сказал, что к весне от такой пыли чахотку заработает. И самое шокирующее сообщение: Коля-электрик запил. Пьёт, как лошадь! Водку уже не пьёт, всё бренди носит.

– Так он же совсем не пил! За два месяца с нами один раз посидел, и то только пригубил.

– Ну, не мы же его научили! – попытался оправдаться бригадир.

– Развратили парня, споили! – едко смеётся Балуй. – У нас он на нюх не переносил спиртного, а там уработали парнишку. А чо он так пьёт-то? Чо случилось?

– Горло промывает, пыль выгоняет. Он так сам говорит, – заключил Монгол.

Через пару дней появился и сам Коля-электрик. Он приехал к нам на один день, завтра уезжает на другой объект, в Ломоносов. Сказал, что поругался с начальством на улице Котовского. И сильно хвалил Женю Музоля:

– Классный мужик. Он там раскрылся здорово! С начальством цепляется по любому поводу, нас защищает. А я думал, он совсем тихоня. Его там ещё Тёрткой прозвали.

– А за что это его так? – осведомился Балуй, встопорщив густые брови.

– Да про жену рассказывал раз, говорит: «Она у меня на тёртке салаты делает». Так за это его и прозвали Тёрткой. А позавчера пришёл на работу с доброй шишкой на лбу. Откуда, спрашиваем, это у него. Он честно говорит, что от жены скалка прилетела. Он стал выступать, как на работе, влупил ей, непослушной, с лёту по

щеке, аж серёжка из уха вылетела. Вот она ему в ответ по лбу сыграла скалкой. Она не только «тёрткой», оказывается, умеет работать, но и скалкой тоже.

С Николаем в этот день мы виделись в последний раз. Мы по-доброму расстались, пожав друг другу руки и пожелав удачи.

В тот день нам выдали зарплату. Я шагал по Московскому проспекту в гости к родне.

Вечером, прогуливаясь возле дома, я повстречал странноватого человека, который разговаривал сам с собой. Молодой, интеллигентный с виду человек, поравнявшись со мной, заговорил беззлобно и доверчиво:

– Мне кажется, молодой человек, что в наше время очень актуальными будут сундуки.

– Что? – не понял я странного интеллигента.

– Сейчас все заняты бизнесом. Ищут глобальные подходы. Всем нужно заработать сразу и причём много. Кинулись в новые технологии. А вот про сундуки забыли...

– Какие ещё сундуки? Причём здесь сундуки? – недоумевал я, заметив, что мой попутчик нетрезв.

– Я вам предлагаю тему – сундуки. Их можно делать разной формы и обработки, из разного материала. Они сейчас очень хорошо пойдут. Я хочу взять вас в напарники.

– Спасибо за доверие, но я вам ничем не могу помочь. По-моему, сундуки уже в прошлом. Извините! До свидания.

Интеллигент что-то беззлобно бурчал себе под нос, удаляясь по вечернему городу.

Утром мы снова красили гудроном оставшиеся бетонные «стаканы». Балуй, вычитав в газете об НЛЮ, завёл на эту тему разговор.

– А НЛЮ я ещё ни разу не видел, хотя о том много пишут. Говорят, бабу одну туда возили, хлеба ей дали...

С ВЕЧНОЙ ВЕРОЙ В ДОБРО

– В который раз уже в милицию попадаем. Они нас по дороге с работы подбирают и везут в «обезьянник», – рассказывает мне Володя Балуй. – Чуть только выпьем, они нас сразу вылавливают. Тропу нашу до метро хорошо изучили. Тот раз стоим мы за решёткой с Малышом и Монголом, помнишь, Монгол? А мент другому кричит: «Тащи, тащи быстрее машину! Они же трезвеют!» Ха-ха-ха!

– А на днях опять загребли, – рассказывает свежую историю Монгол. – Когда мы с работы домой возвращались, Кайгородец шёл впереди, а мы приотстали. Смотрим, а его уже взяли под белые ручки архары в форме. Ну, мы с Балуйем пошли вызволять друга – «обезьянник» мы этот хорошо знаем, и нас они тоже хорошо уже знают. Сами стоим пьянющие, говорим: «Мы пришли его на поруки взять!» Милиционер посмотрел на Балую, говорит: «В прошлый раз тебя на поруки брали?» Балуй говорит: «Да!» Сержант: «Забирайте! За честность отпускаем!» Вот как это дело было. А вчера этот сержант Кайгородцу даже честь отдал. Вот! И тут уже нас уважают!

Работы в котловане оставалось на несколько дней. Начальник участка Трубачев предупредил, что через неделю наш вагончик увезут в Ломоносов. Мой зять сказал, что он сделал для меня всё, что мог, дальше без прописки работать в их организации нельзя. Нужно было искать новое место, а возможно, и уезжать в другой город.

Собрав в одно целое все свои стихи, я ещё в январе отнёс их в типографию полиграфического лица. Когда я шёл по указанному мне адресу, то встретил памятник М. Ю. Лермонтову, посчитав это добрым знаком. Один из моих знакомых подрабатывал в этом учреждении и попросил сделать мне скидку. Всего в книжку

вошло тридцать три стихотворения. Тираж – двести экземпляров. Каждая книжка обошлась мне дешевле абонемента в городском автобусе. Называлась она «С вечной верой в добро». Вот одно из стихотворений этого сборника.

Жёлтый берег шумной Бухтармы.
Журавли целуются на скалах.
Птиц боясь спугнуть, ты мне сказала:
– Влюблены, наверное, как мы.

У скалы я увидел цветок
И сорвал, и подарил подснежник.
Ты смеялась ласково и нежно,
Поправляя сбившийся платок.

...Ты осталась в памяти такой.
Позабыв деревню с суетою
И меня с рекою голубою,
Девушкой стала городской.

Дай же Бог квартиру подбрей,
Мужа лучше, да балкон повыше,
Чтобы был оттуда лучше слышен
Дальний оклик наших журавлей.

С нашего участка постепенно перевозили технику в другое место. Подав мне на прощание огромную жёсткую руку, уехал добродушный богатырь Коля-крановщик. Экскаваторщик Гена, ювелир своего дела, торопливо попрощался, погнав своим ходом экскаватор в Ломоносов. Постепенно опустел наш котлован. Закончили и мы свои последние работы. Монгол, Балуй и Витя Кайгородцев переходили работать на улицу Котовского. Тяжело было с ними прощаться. Мы обнялись напоследок, как старые добрые друзья. Я стоял у ворот и провожал их с горькой печалью на сердце.

Вскоре увезли с участка вагончик строителей. Над котлованом остались стоять только мой вагончик и вагончик сторожа Вити, который теперь ходил по территории с загипсованной рукой. За ним бегала Найда с целым выводком подросших щенков. Барсик днём обходил весь участок, а ночами укладывался спать под моим крылечком. Дождавшись машины из Владимира от моего старого друга, я погрузил в неё свою библиотеку и скромные пожитки. На днях я уезжал на поезде в этот старинный русский город. Наталья должна была приехать несколько позже. Начинаясь новый этап нашей жизни. Финальным аккордом предыдущего – счастливого периода – стали строки стихотворения, с которого начиналась моя первая книжка, изданная в городе на берегах Невы:

А душа, как муку через сито,
Зло отсеяв, оставит добро.
Я ценю, как пергамент санскрита
И как пушкинское перо
Эту вечную веру в добро.
...Остальное всё будет забыто.

